

Николай Яковлев

НЕИЗВЕСТНЫЙ

РУЗВЕЛЬТ

НУЖЕН НОВЫЙ КУРС!

Гении и злодеи

Николай Яковлев

**Неизвестный Рузвельт.
Нужен новый курс!**

«Алисторус»

2012

Яковлев Н. Н.

Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс! / Н. Н. Яковлев —
«Алисторус», 2012 — (Гении и злодеи)

Книга посвящена одному из величайших государственных и политических деятелей XX века, во многом определившему облик современной эпохи. Франклин Делано Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов Америки в тяжелый период Великой депрессии, и ему удалось не только преодолеть кризис – он вернул американцам веру в собственные силы и превратил свою страну в мирового лидера. В книге известного ученого, профессора, много лет работавшего в Институте США и Канады Николая Николаевича Яковлева – автора политических бестселлеров – раскрыты незаурядные личные качества Рузвельта, показана насыщенная событиями жизнь этого выдающегося человека. Достоверность и полнота фактического материала сочетаются с глубоким психологическим анализом внутреннего мира президента и атмосферы в его окружении. Реформаторская деятельность Рузвельта, разработанный им Новый курс дают исторический пример решения сложнейших проблем, подобных тем, которые ныне встали перед Россией.

© Яковлев Н. Н., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Нужен новый курс!	5
От автора	8
Кто они, Рузвельты?	9
I	9
II	13
Гротон, Гарвард, Элеонора и юриспруденция	17
I	17
II	20
III	24
IV	27
В политических ползунках	28
I	28
II	30
III	34
Морское министерство	36
I	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Николаевич Яковлев

Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс!

Нужен новый курс!

От редактора

Имя этого президента США – Франклина Делано Рузвельта (1882–1945) – сегодня вспоминают все чаще. Целых четыре раза подряд он избирался главой американского государства, несмотря на то, что президентство в США ограничено двумя сроками. И это неудивительно, ведь именно Рузвельт вытащил не только США, но и весь капиталистический мир из ямы Великой депрессии, самого масштабного в истории человечества экономического кризиса.

Идея «Нового курса» пришла к Ф.Д. Рузвельту в период национальной катастрофы, из которой, казалось, нет выхода.

В 1929 году в Америке начался тяжелейший кризис, который потряс страну и привел американское общество к новому пониманию механизмов развития экономики. Причина кризиса была банальной: жадность воротил финансово-экономической сферы. Механизмом нарастания кризиса была биржевая игра с ценными бумагами, которые росли в цене до тех пор, пока около десятка крупных игроков снимали сливки с их купли-продажи. Фактически это была большая финансовая пирамида, заранее обреченная на провал, но некоторое время она давала прекрасные доходы.

Скажем больше: диагноз Великой депрессии как результата победы капитала и богатства над обществом обозначил болезнь, которая вновь вспыхнула в США в 2008 году и распространилась по всему миру, накрыв своим черным крылом и Россию.

В один момент пирамида рухнула. Тысячами закрывались банки и промышленные предприятия, миллионы людей выбрасывались на улицы из своих домов. Толпы безработных днями бродили по городам Америки в поисках работы и пропитания. Все было тщетно. Хотя еще недавно – в 1929 году – экономика США в шесть раз превышала объемы производства начала века, именно этот год стал годом тяжелого кризиса. До того момента президент Герберт Кларк Гувер был весьма удовлетворен индустриальными успехами, сохраняя это чувство и в конце 1920-х годов, в годы начинавшегося нарастающего кризиса. В октябре 1929 года появились серьезные признаки финансового неблагополучия, на которые Гувер ответил налогами на прибыль, пытаясь поддержкой частного капитала предотвратить первые признаки кризиса. Но 29 октября 1929 года разразился «черный вторник», обвал американской финансовой системы, аккумулировавший все ошибки экономической политики Гувера и его окружения. В течение нескольких часов Фондовая биржа потеряла на падении курса акций более десяти миллиардов долларов. Кризис затронул всю капиталистическую систему, в том числе промышленность и сельское хозяйство. Страна была деморализована. Большинство людей лишились работы и жилья, медицинской помощи, веры в будущее. Участвовавшие массовые забастовки явно указывали на кризис власти, не способной найти ответ на происходящее в обществе.

В то же время некоторые люди наживались на кризисе, скупая заброшенные шахты, дома и предприятия. Верхушка власти и бизнесмены считали кризис временным явлением. Г.К. Гувер не слишком сочувствовал народу, находившемуся на грани социального взрыва. Президент не видел или не хотел замечать социальных и моральных проблем экономики, его не тревожило даже то, что в Нью-Йорке четверть населения уже были безработными. Гувер не справлялся с ситуацией, следуя догмам старого курса. Хаос продолжался в Америке три года, в 1932 году президентом США был избран Франклин Делано Рузвельт. Народ избрал Рузвельта потому, что этот политик твердо обещал сделать все необходимое за счет государ-

ства, чтобы поддержать простых граждан. И не только обещал, но и сдержал свои обещания. Когда Рузвельт был избран новым президентом США, Гувер умолял его патриотично следовать предшествующему курсу. Тем не менее, в свои последние часы в Белом доме на посту президента Гувер произнес: «Дальше идти некуда. Мы больше ничего не можем сделать». Неудивительно, что патриотизм Рузвельта состоял не в том, чтобы следовать в новых трагических условиях старым принципам, а в том, чтобы обратить все силы на поиск новых путей спасения страны.

Курс президента был, по сути, экспериментальным проектом выхода из экономической депрессии, стремлением цивилизовать капитализм.

В антологии о «новом курсе», выпущенной в США в 1975 году, дается оценка того, что «мозговому тресту» представлялось будущим и что ныне является прошлым. Там говорится: «Основное событие в недавней американской истории – рост бюрократического индустриализма, а не развитие либеральной демократии. Основной толчок реформам дали организованные элиты, стремившиеся к стабильности и порядку, но не либеральные демократы в интересах равенства и социальной справедливости. Новый курс был в большей степени продуктом корпоративного капитализма, чем создателем его. По сути, он дал элите, оказавшейся под угрозой, менеджеров, политические орудия, необходимые для поддержания социальной стабильности, упорядочения рынка, решения проблем спроса и капитала. Результаты, указывает группа молодых и более радикальных исследователей, оказались трагичными. Из-за неудачи «реформ», утверждают они, возник либерализм – ублюдок «корпоративной» разновидности, который во имя «прогресса» создал антилиберальные и противodemократические институты, они на деле увековечили социальную несправедливость и экономическую тиранию, что потребовало бесконечных вмешательств за рубежом и превратило то, что должно было быть, – свободный народ, в общество безмозглых бюрократов и алчных потребителей». Как видим, оценки ныне звучат разноплановые. Тем не менее большинство граждан и ныне признает реформы, проведенные президентом Рузвельтом, своевременными и правильными.

«Реформатора» Ф.Д. Рузвельта в годы его президентства обвиняли в США в большевизме, разрушающем капитализм, многие методы реформы критиковались как недопустимые для США. Антикризисные меры Рузвельта глава советского государства И.В. Сталин называл «элементами социализма».

Заступая на высокий пост, Рузвельт сказал, что готов поставить социальные ценности выше доходов, и пообещал дать людям работу. Победа над безработицей представлялась ему как победа над Великой депрессией. Новый президент на сложившуюся ситуацию ответил проектом «Сто дней», представлявшим собой набор мер и программ, которых прежде никогда не знала Америка.

Итогом его правления было преодоление кризиса, выход США из изоляционизма и возвышение роли страны на мировой арене, придание капитализму как экономической системе социального и морального формата, государству – социального характера.

Думаем, что многим будут интересны антикризисные меры Рузвельта. Интересны еще и потому, что это положительный опыт, который вывел Америку из кризиса и при определенных условиях, эти меры могли бы помочь в преодолении кризиса у нас. Что было главным в антикризисном пакете Рузвельта?

Новый президент располагал поддержкой Конгресса и немедленно после инаугурации приступил к реформам. Впервые 100 дней президентства Конгресс по инициативе Рузвельта принял более 60 антикризисных законов.

Чтобы восстановить банковскую систему, Рузвельт добился единовременного выпуска 2 млрд. долл. Дальнейший выпуск денег мог привести к неуправляемой инфляции, поэтому Д.Ф. Рузвельт провел девальвацию доллара, которая ослабила финансовый капитал. Производ-

ственный капитал и фермеры, производители конкретной продукции выиграли. Была введена государственная монополия на золото.

Банкам, сохранившим доверие государства, выдавались из казны займы под низкие проценты – для кредитования предприятий, создающих новые рабочие места. 12 марта 1933 года, в первом из своих радиовыступлений, известных как «Беседы у камина», президент призвал граждан нести деньги в банки: «Уверяю вас, что безопаснее хранить деньги во вновь открытом банке, чем под матрасом». Граждане вняли призыву, доверяя свои сбережения банкам, а, по сути, подпитывая набирающую новые обороты экономику.

Финансовая система будет эффективной, только если заработает производство. Поэтому создавались государственные организации, управляющие сферами, в которые раньше государство почти не вмешивалось. 16 июня 1933 года по инициативе Рузвельта принят Национальный акт восстановления промышленности. Основная идея: введение государственного регулирования производства и сбыта продукции.

Чтобы справиться с безработицей, было организовано строительство дорог и других сооружений силами безработных. Был создан гражданский корпус сохранения ресурсов для безработных ветеранов и молодежи. Корпус занялся обустройством инфраструктуры США, лесопосадками, развитием системы национальных парков и заповедников. Действовала также адресная помощь, которая оказывала прямую поддержку безработным и бездомным, создавая для них рабочие места, организуя бесплатное питание и медицинскую помощь.

Одной из антикризисных мер в сфере увеличения экспорта стало установление дипломатических отношений с СССР 16 ноября 1933 года.

Но это были далеко не все «революционные» проекты Ф.Д. Рузвельта.

В книге известного ученого, профессора, много лет работавшего в Институте США и Канады Николая Николаевича Яковлева читатель может найти не только описание драматических событий «по две стороны океана», но и познакомиться с личной жизнью выдающегося американского политика, предложившего оригинальные, действенные пути выхода из глобального кризиса. Н.Н. Яковлев – автор большого количества политических бестселлеров, среди которых «ЦРУ против СССР», «Вашингтон», «Преступившие грань», «Загадка Перл-Харбора», «19 ноября 1942», «1 августа 1914» и, конечно же, биографии Ф.Д. Рузвельта. В предлагаемой читателю книге автором раскрыты незаурядные качества Рузвельта, показана насыщенная событиями жизнь этого выдающегося политика XX века. Книга изобилует полнотой и достоверностью фактического материала, позволяющего представить глубокий психологический анализ внутреннего мира президента и атмосферы в его окружении.

Отмечая историческую значимость реформ Франклина Делано Рузвельта, исследователи вместе с тем отмечают: к сожалению, личностей такого масштаба, как Рузвельт, в наше время не видно ни на Западе, ни в России. Так что, возможно, нынешние лидеры повторяют ошибки рузвельтовских предшественников, понадеявшихся, что «рынок сам все исправит», что «капитаны бизнеса» найдут верное решение и выведут свои предприятия и страну из кризиса. Увы, кризис только разрастается, и социальное недовольство во всем мире нарастает. И если элита от политики и капитала не выдвинет из своих рядов нового Рузвельта, то человечество ждет повторение большевистского Октября 1917 года. И где именно полыхнет – большой вопрос.

В чем основные секреты Нового курса Рузвельта, удержавшего страну от падения на дно экономической бездны и от ужасов гражданской войны? Ответы на этот глобальный вопрос содержатся в книге.

Реформаторская деятельность Рузвельта, разработанный им Новый курс дают исторический пример решения сложнейших проблем, подобных тем, которые ныне встали перед Россией.

От автора

Когда в середине 30-х годов Эмиль Людвиг начал работать над биографией Франклина Д. Рузвельта, он встретился с президентом. Писатель сказал ему: «Для меня это новая и трудная задача. Мне было легче написать биографии Наполеона, Бисмарка, Гете и Боливара. Вас труднее оценить – вы живете». Рузвельт горячо схватил руку Людвиг и рассмеялся. «В таком случае, – заметил он, – я предлагаю: подождите сто лет!» В США от книг о ФДР ломятся библиотечные полки. Поток литературы не ослабевает, в подстрочных примечаниях указаны только некоторые, по-видимому, самые важные. Предлагаются различные интерпретации жизни и деятельности Франклина Д. Рузвельта, по-разному пытаются адаптировать его духовное наследие к нуждам сегодняшнего дня, что уже само по себе – повод для большого исследования.

«Нет, сэр, с меня довольно. Она похожа на все остальные. Биографии обычно написаны так, что они не только вводят в заблуждение, но просто лживы. Автор книги «Жизнь Берке» превращает его в удивительнейшего героя. Он преувеличивает его достоинства и умалчивает о недостатках. Автор столь усерден, расточает такие похвалы каждому его поступку, что почти приходится поверить: Берке не совершил ни одной ошибки, не потерпел ни одной неудачи в жизни. Билли, меня удивляет, почему издатели и книготорговцы еще не догадались завести биографии-бланки, которые в случае необходимости будут под рукой. Тогда по смерти того или иного человека его наследники или друзья, желающие увековечить память покойного, купят уже написанную биографию-бланк. Они заполнят по своему усмотрению оставленные заранее места высокопарными, хвалебными фразами. И это будет уместно, ибо в большинстве случаев биографии увековечивают ложь, не давая возможности потомкам узнать правду».

А Линкольн – У. Херндону

Кто они, Рузвельты?

I

Президент обычно известен американскому народу. Он – конституционное олицетворение страны. Франклин Делано Рузвельт, четыре раза принимавший присягу президента, уже по одной этой причине вызывал жгучий интерес соотечественников. Они хотели знать все: почему он пришел в Белый дом, что он знал, умел и, конечно, откуда родом. О многом газеты и радио рассказали уже в его первую избирательную кампанию в 1932 году, но интерес не ослабевал. По мере роста популярности президента отдельные группы в Соединенных Штатах, связанные деловыми, религиозными или национальными узами, объявляли, что ФДР, как по принятой в Америке манере сокращали его имя и фамилию, – «наш».

В 1935 году взволновалась американская еврейская община – разнесся слух, что президент из евреев. Редактор еврейского органа «Джуиш кроникл», что в Детройте, Ф. Сломович направил запрос Ф. Рузвельту. Президент не замедлил с ответом; письмо редактора датировано 4 марта 1935 г., ответ Рузвельтом написан 7 марта.

Он сообщил Сломовичу: «Благодарю вас за интересное письмо от 4 марта. Я не имею ни малейшего представления об источнике сведений, которые, как вы сообщаете, исходят от моего старого друга Чейза Осборна. Мои познания о происхождении семьи Рузвельтов в Соединенных Штатах ограничиваются тем, что все ее ветви, очевидно, восходят к Клаусу Мартенсену ван Рузвельту, который приехал из Голландии незадолго до 1643 года – я даже не знаю точно года. Я не имею ни малейшего понятия, где он жил в Голландии и кто его родители.

Всего тридцать – сорок лет назад на одном из островов у берегов Голландии проживала семья, носившая эту фамилию, а несколько таких семей обитало в самой Голландии. Однако, откровенно говоря, у меня никогда не было ни времени, ни желания проследить генеалогию нашей семьи по ту сторону Атлантики до ее отъезда сюда, то есть примерно триста лет назад.

Пусть в отдаленном прошлом Рузвельты были евреями или католиками, или протестантами, меня больше интересует не это, а были ли они хорошими гражданами и верили ли в бога. Надеюсь, что это так»¹.

Тем и исчерпывались познания Ф.Рузвельта о своей родословной, по крайней мере высказанные публично. Впрочем, американский президент – символ единства нации, а Соединенные Штаты – тигель национальностей. Носил же Рузвельт титул «почетного индейца» и появлялся в бытность президентом на людях в пышном головном уборе из орлиных перьев.

Американские историки, в том числе биографы Ф. Рузвельта, следуют его примеру и рассказывают о предках президента только с того момента, когда первый ван Рузвельт ступил на берег Америки в Новом Амстердаме в 40-х годах XVII столетия. Клаус и его сын Николас мало известны, за исключением того, что доподлинно установлено их существование и что они являлись общими предками двух ветвей рода Рузвельтов, одна из которых дала в XX веке президента Теодора Рузвельта, а другая – Франклина Рузвельта. Старший сын Николаса – Иоанн был родоначальником первой, младший – Иаков (1692–1776 гг.) – второй. От сына Иакова, Исаака, родившегося в 1726 году, пошла династия предприимчивых дельцов и в общем посредственных людей. В некрологах каждый мужской представитель семьи последовательно именовался «джентльменом старой школы», имена старших сыновей на протяжении нескольких поколений выбирались с вызывающим консерватизмом – Исаак (1726–1796 гг.), Джеймс, Исаак, Джеймс, и, наконец, только в конце XIX века традиция была сломлена – на свет появился не Исаак, а Франклин.

«Мой сын Франклин – из рода Делано, а совсем не из рода Рузвельтов», – говаривала его мать Сара Делано. Быть может, в какой-то мере ее увлечение генеалогией семьи – Делано любили проследить свое происхождение от Вильгельма Завоевателя! – сказалось на отказе от традиционного чередования имен в семье. Каковы бы ни были претензии Делано на знатность происхождения, путь этого рода в Америке немногим отличался от пути Рузвельтов. И те и другие любили говорить о врожденном аристократизме. Пусть так, если иметь в виду аристократизм денежного мешка.

Первый Исаак Рузвельт основал сахарный завод, находившийся в районе нынешней Уолл-стрит в Нью-Йорке. Чтобы вести прибыльно дело в тогдашней колониальной Америке, нужно было обходить различные ограничения, установленные английскими властями. Значительный капитал, нажитый Исааком, положивший начало состоянию Рузвельтов, – критерий соблюдения им законов метрополии и его революционности, каковой они гордились Франклин Рузвельт отлично понимал мотивы, по которым Исаак оказался среди пламенных революционеров, поднявшихся на войну за независимость в конце XVIII века. Когда в 1939 году американские газеты указали на историческую связь семьи Рузвельтов с Англией и Францией, Ф. Рузвельт счел необходимым исправить создавшееся впечатление. Он заметил по поводу статьи Э. Линдли, в которой проводилась эта точка зрения: «Если бы автор более основательно изучил вопрос о «семейных узах», он бы понял, что семья Рузвельтов, торгуя сахаром с Вест-Индией, была вынуждена на протяжении многих лет бороться с английскими и французскими интересами на этих островах и из-за этого они в большей степени стали революционерами в 1776 году, а не по причине недовольства тори»². Современный маститый биограф Ф. Рузвельта Ф. Фрейдль уместно замечает: «ФДР добавил французов просто ради красного словца; нет сомнений, что Исаак извлек наибольшие барыши из контрабандной торговли с ними». Как бы то ни было, революционность Исаака принесла немалые дивиденды: он был избран в состав первого сената штата Нью-Йорк и голосовал за ратификацию конституции. Исаак-«патриот» закончил свой жизненный путь президентом первого банка Нью-Йорка³.

Джеймс Рузвельт (1760–1847 гг.), его сын, продолжил дело отца уже с дипломом Принстона. Исаак был непримиримым лишь в денежных вопросах; принадлежность его друга Абрама Уолтона к тори не помешала Джеймсу жениться на дочери этого закоснелого роялиста. Джеймс, пробыв один срок членом легислатуры штата Нью-Йорк, разочаровался в политике и посвятил свою жизнь наследственному делу сахарозаводчика, а также занялся коневодством и спекуляциями земельными участками. Второй Исаак Рузвельт (1790–1863 гг.) был доволен собой, браком с богатой женщиной, был поглощен ботаникой и разведением лошадей.

Отец Франклина – Джеймс Рузвельт родился в 1828 году. Большая часть его жизни прошла в доме семьи в Гайд-парке, на реке Гудзон, на полпути между Нью-Йорком и Олбани. Он был известен в местном кругу как спокойный джентльмен, озабоченный главным образом поддержанием уютного и теплого домашнего очага. Отдавая дань буржуазной респектабельности в Гайд-парке, Джеймс Рузвельт был совершенно иным в деловом мире Нью-Йорка, где он был не из последних если не по капиталу, то по предприимчивости. От матери он унаследовал прочные доходы в ряде угольных и транспортных компаний, где он был президентом или вице-президентом.

Джеймс Рузвельт – среди тех, кто стоял у колыбели американского монополистического капитала. Тогда где же сказочное состояние? Американские историки, указав – в конце жизни он имел 300 тыс. долл., с редким единодушием говорят: Джеймс был эксцентричным человеком. Его интересовали не конечные результаты – деньги, а процесс их приобретения. Материальные стремления Джеймса будто бы не шли дальше обеспечения безбедного существования обитателей дорогого дома в Гайд-парке. Если так, то хлопоты Джеймса просто необъяснимы.

Всю жизнь он носился с обширными проектами. Вскоре после гражданской войны Джеймс вместе с несколькими дельцами создал крупнейшую в США монополию по добыче

битуминозного угля «Консолидейтед коул компани», а в 1868 году он стал ее президентом. Кризис 1873 года подорвал дела компании, и разгневанные держатели акций в 1875 году вывели Джеймса из состава правления. Новые руководители концерна вскоре обеспечили обещанные высокие прибыли. Неудача не обескуражила Джеймса: с 1872 года он – президент Компании железных дорог Юга. С друзьями он решил монополизировать железнодорожную сеть юго-востока страны. Они были почти у цели, все линии находились в руках компании, но очередной кризис уничтожил даже проблески надежды на прибыли. Компания обанкротилась.

В 80-х годах Дж Рузвельт со своими неутомимыми друзьями затевает еще более грандиозное предприятие. Лессепс тогда руководил прорытием канала между Атлантическим и Тихим океанами. Джеймс Рузвельт выступает его соперником. В 1887 году возникает Компания морского канала Никарагуа, которая получает концессию у правительства крошечной республики. В 1889 году Дж Рузвельт становится ее президентом и добивается принятия конгрессом закона об инкорпорации компании. Его друг президент Кливленд охотно подписал закон. С капиталом в 6 млн. долл. компания приступила к предварительным работам. Зная предшествующие предприятия, связанные с именем Джеймса, итог ясен – кризис 1893 года уничтожил все.

В Соединенных Штатах поговаривали, что неудачи отца создали стойкое предубеждение у Франклина Рузвельта против биржевых и иных спекуляций. Судить об этом трудно, ничто в жизни и деятельности Франклина Д. Рузвельта не подтверждает этого: он уживается с миллионерами. Но он люто ненавидел экономические кризисы, которые приносили столько бедствий и навсегда закрыли перед отцом дверь в общество избранных принцев экономики.

Опыт по материнской линии не мог не подтвердить в глазах Франклина правильности этого. Отец его матери, – Уоррен Делано многие годы занимался торговлей с Китаем. Уже на склоне лет, в 40-х годах, Ф. Рузвельт как-то рассказывал: «Мы друзья с Китаем мно-о-о-гие годы. Часть этих добрых чувств я отношу за счет миссионеров. Я лично связан с Китаем, мой дед бывал там – в Сватоу и Кантоне в 1829 году и даже заезжал в Ханькоу. Он сделал то, о чем мечтал тогда каждый американец, – миллион долларов, а когда вернулся на родину, то вложил его в железные дороги Запада. За восемь последующих лет он потерял все, вплоть до последнего доллара. Ха-ха-ха! В 1856 году он опять отправился в Китай, оставался там на протяжении всей войны (гражданской войны в США. – Н.Я.) и заработал еще миллион. На этот раз он вложил его в угольные копи, и первые дивиденды были выплачены через два года после его смерти. Ха-ха-ха!...»⁴ Это правда: У. Делано в Гонконге занимался опиумной торговлей. В Соединенных Штатах тогда шла гражданская война и госпитали остро нуждались в опиуме. Достойное оправдание недостойной практики!

Слов нет: Уоррен Делано был дельцом крутой закваски, хозяином дела и собственной семьи, насчитывавшей одиннадцать детей. Сара Делано выросла в изысканной роскоши, но под строгим надзором отца. В 1880 году в доме Теодора Рузвельта в Нью-Йорке она встретила Джеймса Рузвельта. Ей было 26, Джеймсу – 52. Она хорошо знала светскую жизнь людей своего круга, он отвечал ее представлениям о джентльмене.

Отец Сары уважал Джеймса Рузвельта, был партнером в делах и соседом – его дом был недалеко от Гайд-парка и реки Гудзон. Уоррен Делано был республиканцем, он говорил: «Я настаиваю, что все демократы – конокрады, но, по-видимому, все конокрады – демократы». Совместные деловые предприятия с демократом Джеймсом притупили партийную предубежденность Уоррена, но предрассудки не могли не ожить, когда было замечено, что Джеймс бывает в доме, собственно говоря, ради Сары.

Не только партийная приверженность, но и здравый смысл говорил: Джеймсу 52 года, он вдовец, от покойной первой жены Ревекки Хоулэнд у него был сын, родившийся в 1854 году, в тот год, когда увидела свет Сара. «Нет и еще раз нет», – попробовал сказать Уоррен. Сара была послушна, как всегда, но кротко напомнила, что отец много раз отказывал тем, кто предлагал

ей руку и сердце, а 26 лет – уже возраст для женщины. В октябре 1880 года Джеймс и Сара вступили в брак. В приданное она принесла около миллиона долларов.

30 января 1882 г. в жизни семьи свершилось великое событие – родился мальчик, названный Франклином, именем, которое носил скончавшийся незадолго перед этим сын брата Сары.

II

Франклин Делано Рузвельт родился в то время, когда хозяевам Америки прогресс представлялся синонимом капитализма и ему не предвиделось конца. В очаровательной долине Гудзона лучшие земли у реки занимали тринадцать имений, каждое в среднем по двести гектаров, среди них Гайд-парк Рузвельтов. Их хозяева вели размеренную жизнь, напоминавшую быт английских помещиков средней руки. Занимались сельским хозяйством, и не ради забавы – с полей снимался обильный урожай, а скот был отличной породы. Но интересы мужской половины поглощали не эти в конечном счете пустяки – в ста с небольшим километрах к востоку кипел громадный Нью-Йорк, на Уолл-стрит вершились судьбы Америки. Все вращалось в замкнутом кругу: когда отец Франклина отправлялся на работу, он ехал на Уолл-стрит, когда возвращался домой, он приезжал в Гайд-парк, где соседями были все те же люди; недалеко от Рузвельтов жили Вандербильды и Асторы, Роджерсы и Огдены – цвет делового мира, неслыханные богачи.

С первых шагов в большом мире мать и отец не уставали твердить сыну, что он принадлежит к избранным, элите американского общества. Особых наставлений не требовалось: вещи и окружавшие люди самим своим существованием каждодневно напоминали маленькому Франклину об этом: хорошо обжитой просторный дом в Гайд-парке, тогда к нему еще не были пристроены оба крыла с узкой верандой, вокруг громадные, отлично сформированные деревья – вязы, клены, каштаны, буки. На всю жизнь в память Франклина запали эти деревья – неотъемлемая принадлежность Гайд-парка. Дальше, за лужайками, простирались обработанные поля, аккуратные пастбища для скота. Почти все, что можно было увидеть из окна детской на втором этаже дома по эту сторону реки, принадлежало Рузвельтам.

Отец очень рано объяснил сыну, что красота – не дикие заросли, а исправленный руками человека пейзаж. Человек живет плодами земли, но и имеет обязанности перед ней. Закопченный город не укладывался в педагогическую схему. Скорее это напоминало повторение постулатов джефферсоновской демократии. Аграрная идиллия... Т. Джефферсон, однако, был рабовладельцем.

Уже маленький мальчик без труда установил, что в мире существует социальная иерархия. Он, отец, мать незримо, но четко осязаемыми границами отделялись от гувернанток, те, в свою очередь, отличались положением от поваров и слуг в доме, а последние не желали иметь ничего общего с кучерами и сельскохозяйственными рабочими. Когда чета Рузвельтов скользила зимой по заснеженным дорогам в щегольских русских санях (сделанных первоначально для Наполеона III и вывезенных Джеймсом из Парижа в 1862 г.), сомнений быть не могло: они принадлежали к высшему свету.

В Америке все трудились, но вознаграждались по-разному. Во всяком случае, Франклин привык не видеть ничего необычного в том, что труды отца давали возможность содержать Гайд-парк. Если семья ехала куда-нибудь, то покупались не билеты, а брался салон-вагон, независимо от того, шла ли речь об отдыхе или деловой поездке. Джеймс Рузвельт, выезжая по делам, иногда брал с собой мальчика. Мягкий перестук колес, слабое покачивание салон-вагона, объясняющий все и вся старик отец оставили неизгладимое впечатление у Франклина. Езда в поезде со скоростью, редко превышавшей 50 км в час, станет одним из любимых видов отдыха президента Соединенных Штатов.

В детстве Франклин мало бывал со сверстниками, его жизнь в основном проходила среди взрослых. Брат был старше на 28 лет и питал к нему отцовские чувства, престарелый отец не чаял души в сыне и с болезненной ревностью следил, чтобы Франклин не делил свои привязанности с кем-нибудь еще. Джеймс Рузвельт мог служить образцом джентльмена в понимании своего класса. С изысканными манерами, приветливым взглядом глубоких голубых глаз

и всегда имеющий под рукой пятьсот золотых долларов, Джеймс не мог не привлекать к себе мальчика. Деловые занятия отца, естественно, лежали вне круга семейных интересов. Франклин знал отца дома. Джеймс со значительным уважением к личности маленького собеседника объяснил ему, что приличествует джентльмену: тактичное поведение в обществе и обязательно спорт (летом – верховая езда, велосипед; зимой – коньки и бугер на льду Гудзона).

Мать боготворила мальчика. Она завела дневник и на протяжении двадцати лет записывала мельчайшие подробности о каждом его поступке, чуть ли не о каждом шаге и жесте.

Велик соблазн уже тогда найти в крошечном мальчике, одетом по тогдашней моде в юбочку, черты гениальности или по крайней мере объявить, что родители чуть ли не с пеленок готовили сына к выдающейся политической деятельности. Все это, конечно, вздор. Франклин рос обыкновенным мальчиком, а политика в глазах дельцов была малопочтенным занятием. Как-то отец привез пятилетнего сына в Белый дом и представил президенту Г. Кливленду. Президент выглядел усталым и измученным. Положив руку на голову мальчика, он сказал: «Мой маленький мужчина. Я выскажу тебе странное пожелание. Пусть ты никогда не будешь президентом Соединенных Штатов».

После выборов 1932 года Сару Делано Рузвельт спросили, думали ли когда-либо в семье, что Франклин станет президентом. Она с горячностью воскликнула: «Никогда, никогда! Последнее, о чем я могла когда-либо подумать, – это то, что мой сын будет занят политикой!» Наверное, она была искренна. Профессия государственных деятелей и все, что связано с государством, не выглядели привлекательно в глазах буржуа. Подростком Франклин объявил отцу, что станет военным моряком и поедет в военно-морскую академию в Аннаполисе. Джеймс Рузвельт сначала пришел в ужас, а затем яркими красками нарисовал бедность жизни офицера в блестящем мундире по сравнению с достатком бизнесмена в скромном сюртуке. Нетрудно сделать выбор.

Когда Франклину было около семи лет, мать энергично взялась за его обучение. До четырнадцати лет он получал домашнее образование. В его жизни царил строгий режим, установленный родителями: подъем в семь, завтрак в восемь, до полудня два-три часа уроков. Отдых с двенадцати до второго завтрака в час и вновь занятия до четырех часов дня. Руководящим принципом воспитания была не мелочная опека, а культивирование чувства ответственности и уверенности в себе.

Маленький Франклин безумно любил животных. Хорошо. Он получил от родителей в подарок шотландского пони и породистого сеттера. Радость мальчика была безграничной, но ему ласково сообщили, что оба животных отныне полностью вверены его попечению, на нем лежит и уход за пони. «Безумно трудная работа», – признался взрослый Франклин Д. Рузвельт.

Джеймс и Сара тщательно охраняли маленький мирок сына от тревожностей большого мира, которые дети в Америке знают чуть ли не с пеленок. Кто-то язвительно заметил, что знакомство Франклина с Гекльберри Финном не пошло дальше рукопожатия с Марком Твенем. О жизни и быте простого люда он знал только понаслышке. Однако усвоил – им нужно повелевать, что распространил на детей, игравших с ним. Мать упрекнула: «Зачем приказывать!» «Но если я не буду приказывать, ничего не сделают», – возразил сын.

Рейнхардт, первая гувернантка Франклина, довольно успешно обучила Франклина немецкому языку и дала начальные школьные знания. Занятия с Рейнхардт прервались, она отправилась в психиатрическую больницу. Ее место заняла мадемуазель Сандоц, приехавшая из Швейцарии учить юных американцев из состоятельных семей. У нее были смутные представления о социальной справедливости и твердое знание родного французского языка, которому она изрядно научила своего питомца.

Несмотря на все усилия матери, Франклин оказал успешное сопротивление ее попыткам идеального воспитания в стиле маленького лорда Фаунтлероя. Его так и не смогли научить играть на пианино и рисовать. Мальчик проявил незаурядную изобретательность, изыскивая

предлоги, чтобы избежать ненавистных уроков музыки. Эксплуатация родительских чувств зашла далеко: перспектива посещения церкви, особенно в холодные зимние дни, вызвала у него недомогание, и правдивый сын сообщал об этом маме еще с вечера. К двенадцати годам приступы болезни стали столь регулярными, что Сара поставила диагноз – «воскресная головная боль». Маленьким американцам по сей день ставят в пример хрестоматийную религиозность Рузвельта еще с детства.

Когда наступало лето, семья обязательно отправлялась в Европу. Они были космополитами, Рузвельты. В три года сын познакомился с Европой. Очень скоро Париж, Лондон, Германия, на курортах которой отец постоянно лечил сердце, стали не менее знакомы Франклину, чем Нью-Йорк. Быть может, даже больше. Во время одной из поездок в Германию, когда Франклину было десять лет, родители для усовершенствования в немецком языке отдали Франклина на шесть недель в народную школу. Он был на год старше одноклассников. Мать нашла саму мысль поучиться в немецкой школе забавной, хотя и сомневалась, выучится ли он там чему-нибудь. Франклину необычайно понравилось ходить в школу с толпой, как он выразился, «обезьянок», учить там все по-немецки.

В Гайд-парке была школа, но у Джеймса и Сары никогда даже не возникало мысли о том, что их сын может учиться в ней вместе с детьми простого люда. Четырнадцать лет вместе со своим учителем он совершил поездку на велосипедах вдоль Рейна. В 1939 году Франклин Рузвельт говорил: «Мальчиком я знал Германию значительно лучше, чем Францию и Англию. Во всяком случае, я относился с большей теплотой к более известной мне Германии, чем к Англии и Франции».

Не нужно упускать: он знал только высший свет европейских столиц, где Рузвельты чувствовали себя среди равных. Пытливый мальчик вплотную рассмотрел министров и герцогов, адмиралов и титулованную знать. Не в деле, конечно, а на светских раутах, охоте, курортах. Говорили там чаще по-французски, Франклин бойко отвечал, когда спрашивали. Даже в 1944 году Рузвельт произнес речь по-французски на церемонии передачи эсминца Франции. Было отмечено хорошее произношение.

Основательное знание двух иностранных языков отличало Рузвельта от американских политиков.

Он много читал. Ему не было еще и десяти лет, когда четко определились интересы: в первую очередь Франклин читал и перечитывал все, что относилось к морю. Мать с недоумением следила за тем, как сын брался за серьезные книги. С девяти лет всем журналам Франклин предпочитал «Сайнтифик америкэн», едва ли увлекательный для подавляющего большинства его сверстников. Как-то в дождливый день Сара застала его за чтением словаря. Способность Франклина запоминать прочитанное была поразительна. Однажды мать читала сыну вслух книгу, в то время как он разбирал свою коллекцию марок – с десяти лет он стал самозабвенным коллекционером. Видимое невнимание Франклина вызвало у нее резкое замечание. Сын немедленно повторил последние фразы, добавив с очевидным оттенком высокомерия: «Мне было бы стыдно, если бы я не мог делать двух дел одновременно». Близкие всегда не переставали удивляться тому, как Ф. Рузвельт буквально проглатывал книги.

Не только удовлетворение ненасытного книжного голода питало любовь к морю. Вскоре после рождения Франклина родители купили небольшой участок земли (около двух гектаров) на полюбившемся им канадском островке Кампобелло в заливе Фанди, вблизи Ист-порта, штат Мэн. Здесь, на берегу холодного бурного океана, они построили летний домик. Девятилетний Франклин был вне себя от радости, когда отец купил семнадцатиметровую яхту «Хаф мун», первую в серии яхт, носивших это название. Его нельзя было никакими силами заставить покинуть суденышко. Когда голова Франклина начала возвышаться над штурвалом, он многие часы проводил на борту яхты, а мать была единственным пассажиром.

Шестнадцати лет Франклин стал владельцем собственного судна – семиметровой яхты «Нью мун». На ней, иногда один, иногда с друзьями, Франклин многие годы детально исследовал бесчисленные бухточки, узнал капризные течения, приливы и отливы опасных вод залива Фанди. Море осталось его страстью до смерти.

Гротон, Гарвард, Элеонора и юриспруденция

I

Эндикот Пибоди принадлежал к одной из богатейших семей Новой Англии, компаньонов дома Морганов. Его отец представлял интересы концерна в Англии. Эндикот Пибоди получил образование в этой стране, завершив его в Кембридже. Там на него произвели глубокое впечатление английская система образования избранных для служения избранным, реформистская деятельность тори и каноны англиканской церкви. По возвращении в Соединенные Штаты молодой Пибоди объявил семье, что решил не переступать порога контор менял, а предпочитает кафедру. Он стал священником, но, проведя полгода в городке горняков в штате Аризона, понял, что его поймут только избранные.

В 1883 году в маленьком городке Гротон, в шестидесяти километрах от Бостона, он основал школу, дабы готовить в ней молодых людей «в основном христианского склада». Земельный участок для школьных зданий предоставил богач Дж Лоуренс, за что был включен в наблюдательный совет вместе с Дж П. Морганом и другими представителями денежных интересов. Очень скоро о Гротоне разнеслась слава как о наиболее привилегированной школе Соединенных Штатов. Срок обучения был установлен шесть лет. Принимались двенадцатилетние мальчики и выпускались восемнадцатилетние юноши.

Четырнадцатилетний Франклин переступил порог школы и был принят сразу в третий класс. В 1934 году Франклин Рузвельт говорил: «Пока я жив, влияние доктора и миссис Пибоди означает и будет означать для меня больше, чем влияние любых других людей, за исключением отца и матери». Президент был далек от того, чтобы отдать простой долг вежливости. Он старался, чтобы все торжественные религиозные церемонии в Белом доме отправлялись Эндикотом Пибоди. В чем секрет успеха ректора у ученика Франклина?

Превыше всего Пибоди ставил служение стране, понимая его в духе либеральствующего тори конца XIX века. В бесчисленных горячих простых проповедях, хорошо гармонизировавших с его наружностью сильного человека из народа, он настаивал на том, что политика в Америке должна быть очищена от скверны, а гротонцы в жизни никогда не должны идти на компромисс со Злом. То было провозглашение абстрактно прекрасных истин христианства, но ректор, хотя ежедневно и пожимал перед сном руку каждому из 110 воспитанников, как-то забывал сообщить им поодиночке или всем вместе, как претворить в жизнь заманчивые принципы.

Слабая связь школы с жизнью привела к тому, что к 1936 году из тысячи выпускников Гротона лишь десять нашли себя в политике (среди них Ф. Рузвельт, С. Уэллес, Дж Грю, А. Гарриман, Д. Ачесон). Успеху на политическом поприще мало способствовала привычка, по словам одного гротонца, приобретенная в школе, «во время разговора с малознакомым человеком пристально смотреть на два дюйма выше головы собеседника». С большим трудом Франклин избавился от манеры гротонца, определенно излишней для политика.

Жизнь ученика в школе напоминала ту, которую Пибоди видел в колледжах Кембриджа и Оксфорда. Каждый воспитанник получал небольшую клетушку в два на три метра, в которой стояли койка, стол, стул, а вместо шкафа – крючки на стене. Подчеркнуто простой быт, частично спартанский – холодный душ по утрам и умывание ледяной водой, дополнялся правилом: к ужину являться в вечернем костюме, в рубашке с крахмальным воротничком и в лакированных туфлях.

Пибоди чистосердечно полагал, что введение системы старшинства среди учеников, принятой в английских колледжах, создаст в Гротоне подобие большой семьи. Система принесла неизбежные результаты: безмерную тиранию старших над младшими. Отпрыски приличных

семей проявили незаурядную изобретательность: новичков «дисциплинировали», заставляя гнуться в три погибели, и в таком виде запирали в тумбочках для обуви. Это был обычный метод воздействия. Если же старшие ученики находили, что тот или иной мальчик не подходит к «тону» школы, он подвергался «накачиванию»: несчастного тащили в ближайший туалет, запрокидывали голову над раковиной и наливали в рот воду до тех пор, пока жертва не начинала захлебываться.

К Франклину эти воспитательные меры никогда не применялись. Напротив, очень скоро он стал относиться к неудачникам с плохо скрытым презрением. В письме домой он сообщает: «Сын Биддлов просто сумасшедший, новичок и глупец. Его уже несколько раз запирали в тумбочку и неоднократно грозили накачать».

С первых шагов в школе Франклин инстинктивно взял правильный тон с товарищами, что как раз для него было нелегкой задачей. Он пришел в класс шестнадцатым на третий год обучения, когда отстоялись симпатии и антипатии. Однако он быстро схватил основное в школьной жизни – не выделяться – и считал разумным во всех случаях быть на стороне большинства, не примыкая к считанным бунтовщикам.

В первые месяцы Франклин горячо взялся за дело и стал одним из лучших учеников. Вскоре он обнаружил, что это вернейший путь пасть в глазах товарищей. В конце года, получив наконец первую двойку, он торжествовал. Расчетливый мальчишка отписал домой: «Сегодня заслужил первый неуд и очень рад этому, так как до сих пор считалось, что у меня нет чувства школьной корпорации. Старая психопатка Барбаросса вклеила мне двойку за болтовню в классе». Отныне табель Франклина украшали тщательно дозированные неуды, но не в таком количестве, чтобы открыть перед ним двери кабинета ректора для назидательной беседы – для этого требовалось шесть двоек. Он учился, имея средний балл Б (соответствует четверке).

Система педагогических воззрений Пибоди не отличалась большой сложностью (перечисляются в порядке важности): религия, формирование характера, спорт и науки. Франклин приложил большие усилия к тому, чтобы стать футболистом. Поздно развившийся юноша оказался слабым и не достиг сколь-нибудь заметных успехов. Он остался вне коллектива – славу приносил только спорт.

Программа Гротона была не только своеобразна, но и архаична. Пибоди мечтал о том, чтобы готовить пополнение для правящей Америкой элиты. На его взгляд, было необходимо ввести в круг консервных и цинковых королей, магнатов железа и маргарина отлично образованных людей. Поэтому гротонцев усердно учили латинскому и древнегреческому, французскому и немецкому языкам. В наши дни идеологи американской буржуазии настаивают на том, что их страна прошла незаурядный путь; в конце XIX века Пибоди был куда более трезвым – ученики получали основательные знания истории почти исключительно европейских стран.

Пибоди стремился насаждать конформизм, выпускники должны были быть связанными единством взглядов. Он повторял: «Мне не нравятся юноши, которые думают слишком много. Множество людей думают о множестве вещей, без которых мы можем обойтись»¹. Следовательно, прежде всего и превыше всего – церковь, посещением ее начинался и заканчивался каждый день. Франклин с годами приобретал все больший интерес к религии. По-видимому, сама обстановка школы – все четыре года, несмотря на кажущуюся общительность, он был, в сущности, одинок – толкала его на это. Плюс влияние Пибоди. Едва ли Франклин поддерживал бы суждение Аверелла Гарримана, который как-то заметил отцу о Пибоди: «Знаешь, ректор был бы просто очарователен, если бы не был таким ужасным христианином». Франклин без особых настояний ректора принимал участие в церковной работе в окрестных деревушках и посвящал часть своих каникул занятиям с детьми бедняков. Пибоди организовал для них лагерь вблизи Гротона.

В Гротоне Франклин приобрел некоторое умение вести полемику. В последний год его пребывания в школе учебные диспуты были далеки от академизма. С начала 1897 года в Соеди-

ненных Штатах поднялась волна шовинизма – готовилась война против Испании. Успех предстоящих сражений должен был решить флот. Франклин к этому времени основательно изучил работы адмирала А. Мэхэна, теоретика примата морской мощи, что-де и обеспечивает статус мировой державы.

Франклин оказался необычайно активным в школьных диспутах: «Решено, что США должны увеличить военно-морской флот», «Решено, что США должны немедленно аннексировать Гавайские острова» и на другие ура-империалистические темы.

Героем Франклина был Теодор Рузвельт. Весной 1897 года он пишет родителям: «Кузен Теодор прочитал нам отличную лекцию о своих приключениях, когда он был в полицейском управлении. Больше часа он держал весь зал в напряжении, рассказывая, как полиция убивает, о ее свершениях в Нью-Йорке». Быстрый на расправу Теодор восхитил юношу, а коль скоро Франклин почитал его за пример, вероятно, уже тогда у него начало складываться убеждение: государство немыслимо без сильных карательных органов.

В июне 1899 года семнадцатилетний Франклин окончил Гротон. Рассудительный юноша вступал в жизнь. Незадолго перед выпуском он надел пенсне, найдя, что оно идет ему больше, чем очки, а мужественность подчеркивала сигарета. Памятный подарок – сорокатомное собрание сочинений Шекспира. Расставаясь с Франклином, Пибоди записал в его аттестате: «Он был честным учеником и весьма удовлетворительным членом коллектива на протяжении всей учебы».

Когда в 1932 году, сразу же после избрания президентом, Ф. Рузвельт оказался в лучах прожектора прессы, неукротимый ректор публично заявил: «Сейчас порядочно написано о том, что за мальчик был Франклин Рузвельт в Гротоне. Я считаю, что написано больше, чем стоило бы, учитывая впечатление, которое он оставил в школе. Он был тихим, обыкновенным мальчиком, несколько способнее своих товарищей, был замечен в своем классе, но отнюдь не был блестящим учеником. Физически он был слаб и поэтому не мог достичь успеха в спорте. Нам всем он нравился».

II

Гарвардский университет находится в Кембридже, недалеко от Бостона, по ту сторону Чарлз-ривер. Хотя университет гордится своими традициями, он неотделим от жизни и истории Бостона, «Афин Америки», или «пупа земли», как зовут свой город бостонцы. В стенах Гарварда встречались выпускники привилегированных школ со всех концов страны. Среди принятых осенью 1900 года были и гротонцы, в том числе Франклин Рузвельт.

Университет бурлил кипучей жизнью, но в ней не растворялся кружок тех, кто пришел из закрытых, частных школ. Они были связаны больше с наиболее респектабельными семьями Бостона, чем с пестрым по социальному происхождению студенчеством. Недаром недовольные именовали Бостон «социальной пиявкой» Гарварда. Строгая дифференциация поддерживалась системой студенческих клубов для избранных, через которые юноши вступали в высший свет города.

Франклин поселился с приятелем-гротонцем Л. Брауном в трехкомнатной квартире, расположенной в Уэстморли-корт, районе дорогих пансионатов и фешенебельных клубов, прозванном «золотым берегом». Нарочитая простота быта Гротона позади – мать позаботилась о том, чтобы изысканно обставить квартиру.

Сара Делано могла уделять все свое время сыну – 7 декабря 1900 г. скончался 72-летний отец. Сара переехала в Бостон. Разумная женщина, она только искала духовной близости, а жила в нескольких кварталах от квартиры Франклина. С годами в ее характере развилась властность, а убеждение Сары, что на ее долю выпало осуществить волю Джеймса – воспитать сына для той же жизни и карьеры, что проделал отец, поставило перед Франклином трудную проблему. Он с честью решил ее: без ущерба для материнских чувств юноша закрыл свою душу перед Сарой. Он принимал в доме матери вереницы гостей и бывал в других домах, танцевал, обедал, ужинал, веселился на пикниках, но учтиво менял разговор, стоило Саре обратиться к излюбленной теме – месте Рузвельтов в жизни. Мать, естественно, не испытывала удовлетворения, приходилось радоваться хотя бы тому, что путь борьбы за душу сына не закрывался. Она упорно вела ее до глубокой старости, даже в бытность Франклина президентом.

Университет принес новые заботы – Гарвард не Гротон – и усугубил знакомые юноше трудности: как жить и быть с товарищами, можно ли достичь успехов в спорте. Ему не удалось занять сколько-нибудь видного положения в спортивной элите, хотя он честно зарабатывал синяки в жарких футбольных схватках. Самый респектабельный клуб Гарварда «Порцеллиан» по неизвестным причинам закрыл двери перед ним, пришлось довольствоваться менее известным – «Флай клуб». Неудача не просто обескуражила Франклина, а оставила кровоточащую рану.

Франклин записался на множество курсов, в первую очередь в области гуманитарных наук: английская и французская литература, латинский язык и геология, палеонтология и ораторское искусство, прослушал около дюжины курсов по истории. Немало усилий затратил юноша, вникая в государственное право и экономику.

В 30-х годах Ф. Рузвельт заметил по поводу курса госправа: «Он был похож на электрическую лампу, только без шнура». Что касается экономики, то Рузвельт имел обыкновение говорить: «Четыре года я зубрил экономику в университете, и все, чему меня научили, оказалось неверным». Рузвельт заслужил славу мыслящего политического деятеля, быть может, потому, что студентом перестал посещать лекции по философии через три недели.

Сохранившиеся курсовые работы Рузвельта пронизаны здраво консервативными взглядами. Он сокрушался, когда Теодор Рузвельт в 1902 году вмешался в забастовку горняков, ибо это означало, писал студент, «усиление исполнительной власти в ущерб конгрессу, что при-
скорбно». Озорной поступок, когда Франклин вместе со всей группой сбежал из аудитории по

пожарной лестнице во время лекции близорукого профессора-историка, был исключением, а не правилом его поведения, отмеченного конформизмом.

Он в поте лица заслужил свой средний балл успеваемости «чуть лучше посредственного». Преподаватели единодушно считали, что студент никак не тянул на четверку с минусом. Когда ему пришлось распрощаться с мечтой о лаврах спортсмена, Франклин решил отличиться на второстепенном по университетским представлениям, но все же достойном поприще – в журналистике.

В Гарварде издавалась студенческая газета «Кримсон». С осени 1900 года он стал сотрудничать в ней и очень быстро выделился из шестидесяти восьми студентов, пробовавших отдалиться древнейшему ремеслу. Стал почти профессионалом. Неписаная этика «Кримсона» строжайшим образом запрещала обращение к ректору университета за интервью. Перед президентскими выборами 1900 года Франклин добился невозможного. В 1913 году Ф.Рузвельт подробно рассказал репортеру, как это произошло:

– Кто вы? – спросил ректор.

Я ответил и без проволочек задал вопрос.

– Я пришел спросить вас, господин ректор, за кого вы собираетесь голосовать: за Маккинли или Брайана?

Только тогда я понял, в какое положение попал, и вознес пламенную молитву, чтобы дверь открылась сама собой и укрыла меня в спасительной темноте. Но я пришел за ответом и остался в кабинете, а г-н Элиот снова и снова пристально разглядывал меня.

– Зачем вам это нужно? – наконец промолвил он.

– Мне нужно ваше сообщение для «Кримсона», – ответил я.

Элиот сдался, сообщив сенсационную новость: он собирается голосовать за республиканцев – У. Маккинли в президенты и Т. Рузвельта в вице-президенты. «Нью-Йорк телеграф» напечатала интервью ФДР 30 ноября 1913 г. Шли годы. Когда в 1945 году увидело свет популярное прекрасно иллюстрированное издание «Истинный ФДР», то этот эпизод нашел место в разделе «Редактор-крестоносец», где было сказано: «Еще первокурсником он пробился к ректору Гарварда Элиоту и спросил его, как же он будет голосовать за Маккинли и империализм»².

Однако в 1931 году в частном письме Ф.Рузвельт писал: «Каким-то образом случилось так, что мне в течение ряда лет приписывают честь получения интервью у ректора Элиота, как он будет голосовать осенью 1900 года. В действительности интервью добился Альберт У. Деруд, ныне юрист, работающий в Нью-Йорке, и по праву честь должна принадлежать ему, а не мне»³. Поразительные курьезы памяти. В 1931 году Ф.Рузвельт лучше помнил события 1900 года, чем в 1913 году! Но наверняка он всегда помнил – в те годы Франклин жил в тени Теодора Рузвельта, гордился этим и неизменно приглашал других разделить радость по поводу того, что сам происходит из прославленной в США семьи.

Начало журналистской известности Франклина положило именно его умение обращаться с вице-президентом, а затем президентом Теодором Рузвельтом. Весной 1901 года, вспоминал как-то Ф. Рузвельт, «я позвонил дяде, чтобы узнать, когда я могу повидать его. «Не приезжай, – ответил он. – Я встречу с тобой, когда буду у вас с лекцией по курсу государственного права профессора Лоуэлла». Дядя по-родственному сообщил племяннику точный день и час лекции. Об этом Франклин первым в университете оповестил со страниц «Кримсона». Летом 1901 года он был избран одним из пяти редакторов газеты.

Весной 1902 года в Гарварде побывали двое буров – Англия тогда вела войну в Южной Африке. Они рассказали о страданиях женщин и детей своего народа. Франклин с двумя товарищами поспешили на помощь далеким борцам. Они учредили «Фонд помощи бурам» и в мае 1902 года отослали в Кейптаун 336 долл. Бостонские газеты с большой теплотой описали отзывчивое сердце одного из редакторов «Кримсона».

В 1903 году Франклин на круглые тройки окончил университет и торжественно прошествовал в шапочке и мантии вместе с другими выпускниками в Сандерс-театр, где состоялась церемония вручения дипломов. Итак, бакалавр. Куда идти учиться дальше? Аспирантура или юридическая школа? Франклин предпочел первую, хотя всерьез никогда не рассчитывал получить ученую степень магистра искусств. Выбор решили привходящие обстоятельства: летом 1903 года его избрали главным редактором «Кримсона» и он остался еще на год при университете.

Из-под пера главного редактора вышли все передовицы. ФДР объяснял первокурсникам: нужно серьезно относиться «к обязанностям, университету, своей группе и самому себе. Чтобы быть на высоте, нужно быть всегда активным. Возможности почти не ограничены: спорт – дюжина видов его – и руководство спортом, литературная работа в газете университета и прессе вообще, филантропическая и религиозная деятельность и многое, многое другое». Об учебе в пространном перечне ни слова.

Возможно, близость Л. Брауна, теперь капитана футбольной команды Гарварда, а быть может, точный учет интересов известной Франклину группы студентов придали газете сезонно-спортивный характер с футбольным уклоном. После одного из матчей «Кримсон» сокрушался – болельщики из университета «не поддерживали надлежащими криками свою команду». На следующем состязании главный редактор сам подавал пример, отметив в письме матери: «Я чувствовал себя круглым идиотом, размахивал руками и ногами на глазах тысяч хохочущих зрителей».

Франклин знал, чего добиваться. По доброй воле он проходил школу конформизма. Дядя Тедди подавал пример. Став президентом после убийства Маккинли, Теодор Рузвельт в 1903 году наставлял выпускников Гротона: «Мы даем вам много и поэтому имеем право многого требовать от вас». Эти мысли были созвучны настроениям молодого Франклина. Размышляя об истории своей семьи, он открыл в курсовой работе: «Основная причина жизнеспособности Рузвельтов – их демократический дух. Они никогда не думали, что, родившись в состоятельной семье, могут засунуть руки в карманы и наслаждаться жизнью. Напротив, они считали, что, появившись на свет в обеспеченной семье, они не имели никаких оправданий не выполнить свой долг перед обществом. Эта мысль внушалась им с раннего детства, и Рузвельты оказывались хорошими гражданами». Хотя нельзя не признать своеобразной трактовку понятия «демократия», идеи Франклина ясны: он не собирался сидеть сложа руки, а был полон решимости добиться места под солнцем. Какого?

Рексфорд Тагвелл многие годы работал под руководством президента Ф. Рузвельта, его имя для Тагвелла свято. В обстоятельной биографии ФДР, увидевшей свет в 1957 году, Тагвелл отмечает: «Нельзя не заключить о Франклине уже во время пребывания в Гарварде, что еще более верно в отношении президента Рузвельта: он никому не позволял проникать в свою внутреннюю жизнь. Это относилось к его матери – Саре Делано, Элеоноре, равно как и к другим – Латроггу Брауну, приятелю еще с Гротона, жившему вместе с ним в Гарварде и оставшемуся другом в Вашингтоне. Часто говорят, что скрытность – характерная черта скромного англичанина. Обучение Франклина в детские и юношеские годы, в котором принимали участие отец, наставники, Пибоди и его друзья, вело именно к этому. Нельзя проявлять эмоции, могущие выдать душевное волнение. Он выносил боль, трудности и неудачи с завидным стоицизмом, рано научился не преисполняться энтузиазмом, но и не впадать в отчаяние. Однако его скрытность далеко превосходила ту, которая является результатом воспитания... К моменту окончания Гарварда его скрытность стала поистине безграничной»⁴.

Давно замечено, что наиболее искусно маскируют свои истинные устремления те, кто внешне безгранично откровенен, покладист. Американский исследователь внешней политики президента Ф. Рузвельта поражался его ловкости, качествам изощенного дипломата не в похвальном смысле. Доискиваясь причин, как и почему сложились такие черты у ФДР, он

дошел до лет ученичества – Гарварда, о которых написал: «Ясно, что за маской доброжелательности и конформизма, которые проявлялись на важнейших этапах его карьеры, крылся импульс несогласного, стремящегося порвать с принятыми нормами, что проявилось в экспериментах нового курса»⁵.

Стране это еще предстояло познать, а первой испытала качества Франклина мать. Хотя Франклин как-то избегал следовать советам матери в отношении учебы и она это заметила, Сара Делано безгранично верила, что знает душу нежного и любящего мальчика и заранее будет знать имя его избранницы. Властная мать полагала, что будет не только присутствовать, но и принимать участие в выборе сына. Она серьезно заблуждалась.

III

Франклин давно знал Элеонору. Двухлетняя Элеонора получала неизъяснимое удовольствие, разъезжая на спине пятилетнего Франклина по детской в Гайд-парке. По-видимому, то был момент наибольшей близости за все годы, предшествовавшие брачному союзу двух отдаленных родственников рода Рузвельтов – она приходилась ему кузиной в пятом колене. Детство Элеоноры, дочери Эллиота, младшего брата Теодора Рузвельта, было прямой противоположностью безмятежным юным годам Франклина. Мальчик царствовал в семье, девочка была парией.

Отец без памяти любил дочь, но когда Элеоноре было всего шесть лет, он перестал жить с семьей. Очень красивый мужчина, спортсмен, Эллиот был горьким пьяницей. Люди, знавшие семью, полагали, что догадывались о причине, по которой Эллиот погряз в отвратительном пороке, – характер жены. Анна Холл, внешне прелестная женщина, была нелегким человеком. Она на свой лад воспитывала дочь. Элеонора в раннем детстве была отправлена в школу при монастыре. Там она как-то невинно солгала и была с позором изгнана. В глазах матери крошечная девочка была закоренелой преступницей.

Мать изошрялась в выдумывании прозвищ Элеоноре, наконец, закрепилось «бабуся». «Какой смешной ребенок, – показывала мать гостям на дочь, – она так старообразна». Анна сурово наказывала Элеонору за малейший проступок, внушая девочке, что она постоянно позорит мать. Это подрывало уверенность в себе и без того застенчивого ребенка. Элеонора твердо была убеждена, что она, как и каждая нехорошая девочка, дурнушка.

В этой обстановке образ существующего, но незримого отца вырос до гигантских размеров. При редчайших встречах с дочерью, своей «маленькой, златокудрой Нелл», он весь светился радостью и счастьем. Девочка страстно, болезненно тянулась к отцу. Он властвовал над всеми ее помыслами. «Когда бы я ни мечтала, – говорила на склоне лет Элеонора, – случалось как-то так, что мы были вместе. Я жаждала остаться в мире грез, в котором я была героиней, а он героем».

В восемь лет Элеонора потеряла мать, умершую от дифтерии. Но она не очень скорбела: «Все затмевало одно – вернется отец, и очень скоро я буду с ним». Анна предусмотрела такую возможность: перед смертью она распорядилась, чтобы дочь и сын были отданы на попечение бабушки. Спустя два года Элеонора узнала, что отец умер. Она осталась сиротой в жизни, но в мечтах отец был по-прежнему рядом. Только взрослой перед ней открылась истина – отец был разнузданным кутилой. Открылась и роль Т. Рузвельта, который в хлопотах о будущем Элеоноры пригрозил по суду признать его невменяемость и заставил перевести состояние на ее имя. Понятно, что мать не слишком любила дочь такого человека...

Пятнадцати лет ее отправили учиться в Англию в школу под руководством француженки мадемуазель Сувестр. Три года пролетели, как один день, диковая американка превратилась в веселую европейскую девушку. По возвращении в Соединенные Штаты Милая Элеонора попала в дом родственников своей матери. Имение семьи Холлов Тиволи было расположено, как и подобает, в бассейне Гудзона, чуть выше по реке от Гайд-парка. Обитавшая в нем семейка вызывала, несомненно, патологический интерес, но жизнь в ней была невероятно тяжела для молодой девушки.

Развеселый дядюшка Вэли был пьян до изумления днем и ночью, проявляя склонность к буйству во хмелю. Другой дядя – Эдди был немногим лучше. В нью-йоркском доме Холлов жила тетюшка Пусси, дама зрелого возраста, все еще имевшая бесчисленных любовников. Она не замедлила заверить Элеонору, что девушка – первая дурнушка среди женщин в роде Холлов – несомненно останется старой девой, и бурно переживала при племяннице удачи и неудачи своих многочисленных любовных связей. Холлы были блестящими светскими людьми, жив-

шими далеко не по средствам, все поведение которых вызывало у Элеоноры жгучий страх перед будущим.

Обстановка в доме, призналась много лет спустя Элеонора, «закалила меня, как закаляют сталь». Она определила младшего брата в Гротон, а сама зачастила в филантропические общества, коими изобилдовал Нью-Йорк.

Весной 1902 года Франклин встретил ее в поезде. Они ехали в свои загородные дома. Франклин нашел, что Элеонора прекрасная собеседница, а люди, знавшие ее в юности, считали, что ни одна фотография не дает настоящего представления о прелестной девушке. Они начали регулярно встречаться.

Франклин влюбился в Элеонору, она ответила взаимностью. В нем и его семье, объясняла Элеонора, «я обрела такое чувство уверенности, какого никогда у меня не было раньше». Он предложил ей руку, она с благодарностью приняла. Осенью 1903 года Франклин рассказал матери все.

Она была потрясена. Впрочем, сопоставив факты, Сара поняла, что все произошло на ее глазах. Оставалось лишь поражаться коварству двадцатидвухлетнего Франклина и девятинадцатилетней Элеоноры. Мать все же пыталась расстроить брак. Она напомнила сыну, что его отец женился первый раз тридцати трех лет, когда он «стал человеком, сделавшим имя и добившимся положения, и мог кое-что предложить женщине».

Письмо сына матери проливает свет на некоторые особенности его характера: «Любимая мамочка, – писал он, – я понимаю, какую боль я причинил тебе, и ты знаешь, что я никогда бы не сделал этого, если бы мог поступить иначе!.. Я знаю себя, знаю давно, и я знаю, что не могу иначе думать. Результат: сейчас я самый счастливый и удачливый человек в мире. Дорогая мамочка, знай, что ничто и никогда не может изменить то, чем мы всегда были друг для друга. Только теперь у тебя двое любимых и любящих детей»⁶. Мать сначала не поддалась рассчитанному красноречию сына, однако «по этому важнейшему вопросу ее послушный сын, который в течение многих лет делал все, чтобы удовлетворить ее желания, выставил свой подбородок из рода Делано и проявил больше упорства, чем она»⁷. После длительной борьбы Сара признала себя побежденной.

Растущая привязанность к Элеоноре, в дополнение ко многим другим обязанностям, подвела черту под занятиями в Гарварде. Франклин не получил степени магистра искусств и осенью 1904 года, распрощавшись с Гарвардом, поступил в юридическую школу Колумбийского университета в Нью-Йорке. Повторилась знакомая история. В среднем тройки, пара провалов на экзаменах на первом году обучения. Он не испытывал ни малейшего увлечения правовыми науками. Куда интереснее было слушать дядю Тедди, теперь президента США, в Белом доме. Франклин при каждом удобном случае наносил родственные визиты, почтительно набираясь мудрости у говорливого президента.

17 марта 1905 г. Теодор Рузвельт приехал в Нью-Йорк, чтобы принять парад в день св. Патрика и выдать замуж племянницу Элеонору. Влюбленная пара выбрала для бракосочетания удобный для президента день. Величественный Теодор доминировал на церемонии, хотя невеста была на голову выше своего дяди. Семьдесят пять полицейских, охранявших президента, внушительно дополняли толпу приглашенных.

Глядя на Теодора Рузвельта, торжественно шествовавшего под руку с Элеонорой, один из родственников не мог не съязвить: «Когда он идет на свадьбу, то он хочет быть невестой, а когда он присутствует на похоронах, то он хочет быть трупом». Да, казалось, что гости собрались для встречи с президентом, а не на бракосочетание, мастерски проведенное Э. Пибоди, приехавшим из Гротона. Приданое невесты составило 100 тыс. долл.⁸.

Отблеск величия президента лег на молодую пару, и во время трехмесячной поездки по Европе они буквально купались в отраженных лучах его славы. В явном расчете, что его

слова дойдут до ушей дяди, Франклин пишет матери: «Все только и говорят о дяде Теодоре как о самом выдающемся деятеле современной истории, в результате относятся к США очень уважительно и почти с любовью».

В Англии их познакомили с Сиднеем и Беатрисой Уэббами; Франклин обсуждал с Сиднеем методы обучения в Гарварде, а Элеонора рассмотрела с Беатрисой проблему слуг. Молодоженов поразила Венеция. Она нашла, что юбки дамских купальников коротковаты. Он телеграфировал матери: «Между прочим, можно купить примерно за 60 тыс. долл. обстановку, деревянную отделку и мозаичные полы старого дворца. Если хочешь приобрести, телеграфируй». Он надеялся найти применение мозаике и старому дереву при перестройке дома в Гайдпарке. Сара высмеяла идею.

Осенью они вернулись в Нью-Йорк. Через два года, когда Сара закончила постройку двух домов, стоявших рядом на 65-й улице, молодые супруги въехали в свой дом. Пошли дети: первой родилась Анна в мае 1906 года, в последующие десять лет пять сыновей, один из них умер грудным. Семейную традицию восстановили – первенца назвали Джеймсом. Наверное, вздохнули, что имя отца Франклин, а не Исаак. Сара занялась домом сына, рассматривая детей как своих, а потом уже Элеоноры. Попытки молодой матери поднять бунт против свекрови-самодержицы успеха не имели. Франклин, проводивший мало времени дома, не видел в этом ничего странного.

Элеонора пыталась, как умела, быть ближе к мужу. Она взялась учиться управлять маленьким «фордом» и разбила машину о столб. Не лучше пошли дела и с верховой ездой. Много времени молодая женщина употребила на обучение игре в гольф. Наконец она решилась выйти на зеленую лужайку с мужем. Франклин, понаблюдав за ней несколько минут, тепло посоветовал навсегда бросить праздное занятие. Она послушалась.

Элеонора была образцом тогдашнего воспитания дочерей богатых родителей. Ей никогда не пришлось нанять своих детей или готовить пищу. Она не представляла дома по крайней мере без пяти слуг, не умела одеться без горничной, а без повара молодые супруги, наверное, умерли бы с голоду. При всем том она была ужасающе невежественна. Даже через сорок лет Элеонора испытывала чувство неловкости, припоминая, как во время медового месяца она не смогла объяснить любознательному англичанину разницу между федеральными и местными властями в США.

Однажды Элеонора сидела перед туалетом, выбранным для нее Сарой, и горько рыдала. «Мой пораженный молодой муж спросил, что же случилось со мной. Я ответила, что мне не нравится жить в доме, который не был частью меня, для которого я ничего не сделала и который не такой, как я себе его представляла»⁹. Франклин пожал плечами. Он просто не понимал. Дома он оказался душевно близоруким и не проявил острой наблюдательности, какую показал в политике. Франклин просто разграничил семейную жизнь и игру в покер в клубе, где обычно пропадал до глубокой ночи. Всему свое время.

IV

В 1907 году Ф. Рузвельт завершил учебу в юридической школе. Он так и не получил диплома юриста – просто решил не держать экзаменов, ограничившись испытаниями в нью-йоркской коллегии юристов. Он поступил младшим клерком-практикантом в почтенную юридическую фирму «Картер, Ледиард и Мелбурн», помещавшуюся в Нью-Йорке, Уолл-стрит, 54. Условия были обычными: в первый год практикант не получал жалованья, со второго года ему положили очень скромное содержание. Франклин спокойно относился к тому, что не получил диплома юриста. Ректор Колумбийского университета много лет спустя взялся дразнить Рузвельта: «Вы никогда не сможете назвать себя интеллигентом, если не вернетесь в Колумбийский университет и не сдадите экзаменов по праву». На это Рузвельт ответил со смехом: «Мой пример показывает, что юриспруденция, в сущности, не имеет значения»¹⁰.

Гражданское право при ближайшем знакомстве оказалось крайне скучным делом, имевшим мало общего с великими юридическими принципами, о которых Франклин слышал в университете. Абстрактные схемы не будили мысль. ФДР положительно возненавидел работу за письменным столом в конторе, но очень охотно вел дела в суде, встречался с истцами, ответчиками, свидетелями. Хотя юридическая фирма «Картер, Ледиард и Мелбурн» обслуживала крупнейшие корпорации, младшему клерку Рузвельту давались дела по силам. Он сталкивался с людьми, которых просто не могло быть ни в Гайд-парке, ни в Гротоне, ни в Гарварде, вплотную увидел нужду и бедность.

Ему часто приходилось вести дела по искам отдельных лиц к крупным корпорациям. Однажды в зале суда его противником оказался коллега по юридической школе. Он взялся вести дело женщины, вчинившей иск о возмещении ущерба на 300 долл. крупной корпорации. Иск был плохо обоснован, действительный ущерб едва ли превышал 18 долл., но адвокат вел дело из расчета того, что 50 процентов выигранной суммы будет передано ему в качестве гонорара. В связи с ведением дела Рузвельт отправился на квартиру адвоката. Его не было дома, бедность смотрела из углов, а жена адвоката высказала Франклину все, что думала о нем. Он ушел, оставив предложение поладить на 35 долл. и чек на 150 долл. в долг. Юридические познания Ф. Рузвельта не увеличивались, но он глубже познавал собственную страну.

Хотя адвокат Ф. Рузвельт и не снискал особых лавров, некоторые дела он выиграл остроумно. Дело было так. Противник Франклина, необычайно опытный адвокат, славился редким умением убеждать присяжных заседателей. Рузвельт, слушавший его речь, увидел, что собственные шансы на успех равны нулю. Но он заметил тактическую ошибку противника – речь затянулась более чем на час. Присяжные поглядывали на часы. Ведь им предстояло еще выслушать речь Рузвельта. Он встал и произнес: «Господа! Вы знаете материалы дела. Вы также выслушали моего коллегу, выдающегося адвоката. Если вы верите ему и не верите материалам дела, тогда вы должны решить в его пользу. Больше мне нечего сказать». Присяжные удалились и через пять минут вынесли вердикт в пользу клиента Рузвельта. Франклин выиграл, сосредоточив внимание на форме и полностью игнорируя существо. Прием небесполезный в политике.

Он жил, как в тумане, скорее автоматически выполнял работу, постоянно думая о другом. О чем? Как-то он открылся клеркам в конторе – уйду в политику: сначала член легислатуры штата, затем заместитель морского министра, оттуда в губернаторы штата Нью-Йорк. «Любой, кто занимает этот пост, – наставительно произнес Франклин, – если ему повезет, имеет хорошие шансы стать президентом». Эта крутая дорога в свое время привела Теодора Рузвельта в Белый дом. Тогда ФДР подражал ему во всем.

В политических ползунках

I

В начале 1910 года Дж Мак, прокурор округа Датчес, штат Нью-Йорк, заехал в контору «Картер, Ледиард и Мелбурн» подписать бумаги. Между ним и Франклином завязалась беседа. Горячий приверженец демократической партии, Мак предложил юному юристу выставить свою кандидатуру на выборах в легислатуру штата Нью-Йорк. Ф. Рузвельт, не раздумывая, согласился. Через несколько дней он съездил в город Пугкипси, где был представлен местным лидерам демократов. ФДР в общем понравился: политические дельцы учли обаяние фамилии Рузвельтов, а также сообразили, что у Франклина можно выудить в партийный фонд изрядную по масштабам провинциальной организации сумму.

Партийная принадлежность для Франклина в то время была, в сущности, безразличной. В 1898 году, когда республиканец Т. Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, Франклин писал из Гротона домой: «Мы дико обрадовались, узнав об избрании Тедди». В 1900 году Франклин – член гарвардского клуба республиканцев, активный участник факельного шествия в поддержку кандидатур республиканской партии на президентских выборах – Маккинли и Рузвельта. В 1904 году, первый раз принимая участие в выборах, Франклин отдал голос за дядю Тедди. Не высокие мотивы, а порядок поступления предложений – первой оказалась демократическая партия – определил партийное лицо Ф. Рузвельта. Он стал демократом.

Приготовления к кампании не были сложными, разве что пришлось сначала умиротворить дядюшку Тедди. Отныне безработный государственный деятель Т. Рузвельт мог одной неуместной фразой уничтожить политическое будущее Франклина. Теодор обещал промолчать о племяннике в политических выступлениях, хотя и не одобрил выбора им партии. Когда в округе стала известна кандидатура демократов, местная газета «Пугкипси игл» 11 октября 1910 г. заметила: «Демократы сделали новое и ценное открытие – они сыскали Франклина Д. Рузвельта... Мистер Рузвельт окончил Гарвардский университет и делает первый шаг в политике. Полагают, что его вклад в избирательную кампанию значительно превышает четырехзначную цифру, отсюда ценность открытия... Мы уверены, что сенатор Шлоссер не будет обеспокоен выдвижением мистера Рузвельта». Ф. Рузвельт передал в избирательный фонд 2500 долл.

Он всегда ассоциировал себя с силами прогресса. В кампании 1910 года прогресс олицетворял единственный в округе ядовито-красный автомобиль фирмы «Максвелл» без ветрового стекла, с исполинскими медными фарами. Франклин взял его напрокат. Ретрограды, лишь взглянув на машину, уверенно предсказали жалкий конец всего предприятия: автомобиль перепугает лошадей, и фермеры, а они составляли большинство избирателей, в отместку провалят Рузвельта на выборах. Франклин, однако, верил в прогресс.

Он украсил автомобиль флагами, сел в него и отважно двинулся навстречу судьбе. С какой скоростью? Биографы расходятся в показаниях по этому важному для потомства пункту. А. Шлезингер консервативно считает, что автомобиль «передвигался со скоростью двадцать миль в час». Ф. Фрейдль, как и надлежит глубокому знатоку жизни ФДР, придерживается золотой середины: «Они могли покрывать двадцать две мили в час». А Барнс в своей книге, признанной в США лучшей политической биографией Рузвельта, утверждает: машина «ехала со скоростью двадцать пять миль в час и привлекала большое внимание»¹.

Биографы точно установили одно обстоятельство: когда поблизости оказывалась группа фермеров с лошадьми, «максвелл» уместно отказывал. Приходилось запрягать лошадей, чтобы

вызволить кандидата в сенат из беды. Дело не обходилось без шуток. Избиратели воочию убеждались, что будущий сенатор в их руках, и до конца использовали возможность указать непрактичному горожанину на преимущество лошади перед автомобилем. Рузвельт неизменно оказывался внимательным и вежливым слушателем.

То была деревенская идиллия, сельская пастораль. Стояло нежаркое бабье лето, окрасившее в яркие цвета рощи по обочинам дорог. Выезжали из Гайд-парка рано поутру и весь день проводили среди избирателей. Короткие речи на перекрестках, в ригах и просто перед зеваками. Рузвельт быстро приобретал навыки американского политика: автоматическая улыбка до ушей, крепкое рукопожатие. «Зови меня запросто – Франклин, а я тебя буду звать...» Том, Джон, Билл и т. д. Или: «Я не оратор, конечно, но мои друзья...» На одном из собраний, будучи представленным, Франклин начал: «Я не Тедди...» Естественно, смех. «Вчера плутоватый мальчишка сказал мне: он знает, я не Тедди. Я спросил его: почему? Он ответил: «Потому, что вы не показываете зубов». Всеобщее ликование толпы. При всем этом Франклин действительно оказался из рук вон плохим оратором. Элеонора под конец кампании решила послушать политическую речь мужа. Он говорил с громадными паузами, и любящая женщина с ужасом думала о том, что раз прерванная речь больше не возобновится.

Содержание выступлений Рузвельта не отличалось большой глубиной. Он обрушился на «боссизм» (захват власти кучкой продажных политиканов) в органах управления штата. Один из них, Л. Пэн, в округе Чатэм вписывал имена умерших в избирательные списки. Когда обман раскрылся, он объяснил, что не видит в этом ничего худого: ведь он знал, как бы они проголосовали, будучи живыми. Рузвельт не подчеркивал партийных граней, настаивая, что в борьбе за «чистые» нравы в политике он ищет поддержки «хороших» республиканцев.

Город Пугкипси проблемы не представлял – в нем всегда побеждали демократы; камнем преткновения были сельские округа площадью 25 тыс. кв. миль. Фермерам, обычно голосовавшим за республиканцев, и уделил основное внимание Рузвельт, затеяв свое автомобильное турне. Республиканцы, сначала сбросившие со счетов молодого кандидата, спохватились поздно. Лишь в конце кампании они выдвинули против Франклина обвинение в том, что он служит в юридической фирме на Уолл-стрит, обслуживающей гигантские корпорации. «Ну и что, – рассудила консервативная часть избирателей-республиканцев, – тогда этот молодой демократ не испорчен идеями Брайана и ближе к нам, чем к своей партии».

Хотя злые языки утверждали, что Рузвельт победил только потому, что в день выборов шел дождь и многие избиратели-фермеры поленились съездить на участки, его успех отражал наступление демократической партии по всей стране. Теперь ей принадлежало почти три пятых мандатов в палате представителей, большинство в обеих палатах легислатуры штата Нью-Йорк, а В. Вильсон был избран губернатором штата Нью-Джерси. Рузвельт победил Шлоссера 15 708 голосами против 14 568 (в 1908 г. Шлоссер имел большинство в 2070 голосов).

Друзья Рузвельта высоко оценили его успех: лишь второй раз со времен гражданской войны в округе избирался кандидат от демократической партии. Коллеги Франклина на Уолл-стрите с понимающей улыбкой слушали о том, что двадцативосьмилетний политик собирается схватиться со столетним драконом коррупции властей штата. Один из них лукаво написал ФДР: «Если поздравление от «биржевой клики» не ранит ваши нежные политические чувства, тогда я шлю вам мои сердечные поздравления», на что Франклин ответил: «Уоллстрит в целом вовсе не так плох, как я выяснил за четыре года пребывания там».

II

Легислатура штата Нью-Йорк работала в крошечном городке – Олбани, столице штата. Депутаты – сенаторы и члены палаты представителей штата – получали скромное вознаграждение – 1500 долл. в год. По этой и другим причинам законодатели не жили в Олбани, а съезжались лишь на время сессии, снимая недорогие комнаты. Жены и дети оставались дома. В январе 1911 года Рузвельты всей семьей переехали в Олбани, Франклин за 400 долл. в месяц арендовал трехэтажный дом. ФДР был доволен новым жильем. С характерным для него в те годы снобизмом он заметил: «Приятно жить в трехэтажном, а не шестиэтажном доме».

Случая отличиться на политическом поприще долго искать не пришлось. В те годы сенаторы от штата Нью-Йорк выбирались не населением, а членами легислатуры. Партийная машина организации демократической партии в городе Нью-Йорке – Таммани – предложила кандидатуру У. Шихана. Этот делец с довольно темным прошлым сам напросился в кандидаты, щедро оплатив будущие услуги Таммани. Честолюбивый Шихан считал, что пребывание в «клубе миллионеров», как еще называли в те годы сенат, очистит его от скверны сомнительных сделок и превратит в респектабельного престарелого джентльмена.

Кандидатура Шихана по разным мотивам вызвала оппозицию среди группы депутатов-демократов легислатуры от сельских округов. Франклин оказался среди них; он прекрасно понимал, что выступление против Таммани придется по сердцу избирателям его округа, в большинстве своем республиканцам. Франклин обрушился с горячими филиппиками на Шихана и партийного босса Таммани Ч. Мэрфи. Отважный, но отнюдь не опрометчивый шаг – Таммани не контролировала избирательный округ Ф. Рузвельта.

Оппозиционеры нашли дом Рузвельтов удобным для совещаний, и хозяин очень быстро вышел в лидеры группы. Репутация дома Рузвельтов как гнезда заговорщиков закрепила за ним это положение, да и газетчикам было удобно брать интервью – адрес был известен. Правда, сигарный дым из библиотеки – там-то и дислоцировалась штаб-квартира борцов за правду в рядах демократической партии – заставил перевести детские со второго этажа на третий. Но домашние неудобства были ничто по сравнению с политическим опытом, который стремительно набирал Франклин. Элеонора досыта наслушалась политических споров: гости засиживались далеко за полночь, и хозяйке, естественно, приходилось подкреплять их силы.

Титаническая битва вылилась в яростную брань. Юный сенатор оказался на высоте; что до существа спора, начатого на словах как «чистая политика» против «боссизма», то «вместо великого сражения противоположных сил борьба стала напоминать войну в изображении Льва Толстого – запутанные схватки людей и отдельных групп»². Исход десятидневного сражения оказался плачевным: оппозиционеры сошлись на кандидатуре судьи Дж. О'Тормана, куда более тесно связанного с Таммани, чем Шихан. Обе стороны торжествовали победу.

Подводя итоги, Ф. Рузвельт сообщил избирателям: «Есть только одно средство. Ч. Мэрфи и ему подобных нужно выкорчевать с корнем, как вредные сорняки... Тем из вас, кто любит охоту, больше не надо ездить в скалистые горы Канады или джунгли Африки, в штате Нью-Йорк охота получше... И она идет, хищники уже начинают падать. Американский гражданин вновь сражается за свою свободу». Таммани не замедлила с ответом. Доверенный агент Мэрфи поставил в известность газеты, что речь идет о «глупеньком хвастовстве ограниченного и самодовольного парня... который столь же равен политику, как равна цирку зеленая горошина». Кое-кто из членов оппозиционной группы, имевших денежные интересы в пределах досягаемости Таммани – в городе Нью-Йорке, порядком поплатился за свободомыслие. Ф. Рузвельт записал в актив известность далеко за пределами штата.

Черту под борьбой против Шихана подвел президент Франклин Д. Рузвельт, который, рассказав о ней министру труда Фрэнсис Перкинс, закончил: «Теперь и вы знаете, каким отвратительно низким парнем я был, когда впервые вступил в мир политики»³.

Современники не рассмотрели неприглядных качеств в сенаторе Ф. Рузвельте, они находили его разве что ужасающе аристократичным для поборника прогресса. Франклина считали высокомерным, в газетах обычно помещалась единственная фотография ФДР – в цилиндре, пенсне, с кислой, презрительной миной. На самом деле облик самоуверенного политика скрывал очень честолюбивого, легкоранимого и застенчивого молодого человека. Он искренне иной раз отклонял приглашения выступить с речью, ссылаясь на свое неумение складно говорить на людях.

Как обычно случается с такими людьми, он был излишне настойчив по пустякам в словесных дуэлях в сенате. Председательствующий, выслушав его какой-то очередной горячий призыв к чему-то, свирепо закричал: «Ладно, сенатор Рузвельт добился своего. Ему нужен всего-навсего заголовок в газетах, а теперь займемся делом».

Политический облик Ф. Рузвельта во время двухлетнего пребывания в сенате остался неопределенным. После некоторых колебаний он высказался за предоставление права голоса женщинам, боролся за качество молока для детей в бедных семьях и лучшее обслуживание иностранных моряков в порту Нью-Йорка, решительно выступил против профессионального бокса и состязаний по бейсболу по воскресеньям. Он был даже против ограничения рабочей недели для юношей от 16 до 21 года 54 часами. Франклин настаивал, что профсоюзы не должны прибегать к бойкоту в трудовых конфликтах, и считал закономерным подавление стачек силой. В то время стал ощущаться недостаток в людях для национальной гвардии. Она использовалась для разгрома стачек, и оказалось очень трудным пополнить ее ряды. Желających служить в организации, запятнавшей себя карательными функциями, было немного. Франклин оказался среди тех, кто поддержал в легислатуре предложение в стиле дяди Тедди об учреждении специальных подразделений полиции штата для борьбы с рабочим движением.

Каким образом такой послужной список мог закрепить за Ф. Рузвельтом репутацию прогрессивного сенатора? Все зависит от места и времени, а главное – он быстро изменял свои взгляды в соответствии с обстановкой. То было время стремительного роста левых настроений в Соединенных Штатах, подъема борьбы против засилья монополий. Что правящие классы должны были считаться с этим, вне всякого сомнения, доказывает принятие антитрестовского законодательства. По крайней мере на словах конгресс был против отвратительных злоупотреблений баронов-разбойников монополистического капитала. Иначе поступить было нельзя – Америка бурлила. Происходившее в США не было изолированным феноменом, а отражало кризис капитализма во всем мире. В те годы по всей планете распространялось убеждение – нельзя больше терпеть наглую капиталистическую эксплуатацию.

Джек Лондон, создавший в 1907 году «Железную пяту», а в 1910 году – «Революцию», воспевал классовую борьбу и единство пролетариата. Бунтарские идеи будоражили духовный мир Америки, сметая старый консерватизм и наивный провинциализм. Дело явно шло к поляризации сил на политической арене Соединенных Штатов, и, хотя марксизм был очевидно слаб в Новом Свете, бурное возрождение хотя бы джэксонианства и деятельность «разгребателей грязи» от Л. Стеффенса до Т. Драйзера прогремели очищающей бурей в психологическом климате американского общества. На подступах к избирательной кампании 1912 года социалисты набирали силу. На всю страну звучали пламенные речи лидера американских социалистов Ю. Дебса, влияние боевых элементов в рабочем движении США стремительно нарастало. Имена Уильяма Д. Хейвуда, Чарлза Е. Рутенберга, Уильяма З. Фостера и др. стали хорошо известными. Владимир Ильич Ленин в статье «Успехи американских рабочих», написанной в 1912 году, отметил такой факт: тираж американской социалистической газеты «Призыв к разуму» достиг миллиона экземпляров. «Эта цифра, – подчеркнул В. И. Ленин, – миллион экземпля-

ров социалистической газеты, которую бесстыдно травят и преследуют американские суды и которая растет и крепнет под огнем преследований, – показывает нагляднее, чем длинные рассуждения, какой переворот близится в Америке»⁴.

Руководители как демократической, так и республиканской партий чувствовали знамение времени. В. Вильсон летом 1912 года говорил: «Существует громадное скрытое недовольство, которое способно найти выход. Республиканцы выставят Тафта, и, если демократы не выставят кандидата, который сможет быть принят народом как выразитель его протеста, возникнет радикальная третья партия, и в результате выборов мы будем недалеко от революции»⁵. Дядюшка Тедди не мог тягаться в тонком политическом анализе с В. Вильсоном, совсем недавно сменившим кафедру истории в Принстонском университете на губернаторское кресло, но он давно понял, что рано ушел с политического поприща. Т. Рузвельт открыл кампанию по выборам себя в президенты. «Мы за свободу, – кричал он на митингах, – но мы за свободу угнетенных...» Выстрел фанатика, взбудораженного решимостью Т. Рузвельта сломать традицию – никогда еще президент не выбирался на третий срок, – не остановил его. С пулей в груди он прохрипел: «Я произнесу эту речь или умру». Тедди произнес эту речь, но, появившись в качестве кандидата в кампании 1912 года, фатально расколол республиканскую партию – теперь от нее выступали два кандидата.

Спор политических исполинов по американской мерке, разумеется, был близок Франклину – он уже присмотрелся к В. Вильсону. Сильнейшее брожение умов также не обошло его стороной, звон идейного оружия раздавался по стране. Хотя оружие было совсем некачественным, гром стоял от океана до океана. Франклин внес свою лепту. 1912 год отмечен его первым выступлением политико-философского характера, в котором он пытался объяснить причины широкого недовольства и расцвета, хотя и позднего, радикальных идей в Америке.

Выступая 3 марта 1912 г. в Трое, штат Нью-Йорк, он отметил, что «конкуренция полезна лишь до определенного момента, ныне мы должны добиваться сотрудничества, которое начинается там, где кончается конкуренция». ФДР, тщательно избегая социалистических терминов, предпочел назвать сотрудничество скорее «борьбой за свободу общества, чем за свободу индивидуума». В этой элегантной терминологии Ф. Рузвельт и представил глубокий конфликт между монополиями и народом, что марксистам известно как противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения продуктов Труда.

Опасаясь возможных упреков в радикализме, он тут же объяснил, что «сотрудничество» применительно к монополистической практике выглядит следующим образом: «Если мы назовем этот метод регулированием, люди возденут руки в ужасе и закричат: «антиамериканизм» или «опасно», но если мы назовем тот же процесс сотрудничеством, те же мудрецы заявят: «прекрасно сделано». Сотрудничество в этом виде делает монополию несвоевременной. Теперь мы понимаем, что не размеры треста сами по себе являются злом. Трест – зло, поскольку он монополизировал в интересах немногих и до тех пор, пока это продолжается; общество должно изменить эту практику». Подобную философию радушно встретила бы Национальная ассоциация промышленников.

Теория Рузвельта подкреплялась практикой. Важнейшей частью «сотрудничества» в интересах общества он считал сохранение естественных ресурсов. В речи в Трое он указал: «Если мы можем предсказать сегодня, что государство (иными словами, народ в целом) скоро будет диктовать данному человеку, сколько деревьев он может вырубить, тогда почему мы не можем, не став радикалами, заявить, что настанет время, когда государство будет заставлять фермера возделывать посевы, выращивать скот или лошадей? Ведь если я, допустим, имею ферму в сто акров и она у меня не используется и зарастает травой, разве я не уничтожаю свободу общества (под которой мы имеем в виду счастье и благосостояние) в такой же мере, как это делает сильный мужчина, болтающийся без дела и отказывающийся работать»⁶.

Под знаком сохранения естественных ресурсов в доступных ему масштабах штата Нью-Йорк прошла деятельность сенатора Рузвельта в 1912 году. Он пригласил главного лесничего США Г. Пинчо, который прочитал лекцию легислатуре о необходимости сохранения лесов. Пинчо показал старую китайскую картину, относившуюся к 1500 году. Очаровательная зеленая долина, к которой только прикоснулся топор лесоруба, и современный фотоснимок той же долины. Раскаленные солнцем камни, безжизненные холмы и песок, гонимый ветром.

Настояния Рузвельта провести широкие меры по сохранению естественных ресурсов, в первую очередь лесов, в штате Нью-Йорк в общем оказались не слишком успешными: могущественные лесные и деревообделочные компании выступили против. «Я не могу понять, – огорчился Франклин, – почему люди, которые имеют денежные интересы в том или ином деле, никогда не видят дальше шести дюймов под собственным носом».

Людские ресурсы входят в понятие естественных ресурсов, и поворот Рузвельта в сторону поддержки социального законодательства объясняется именно этим, хотя толчком к нему явилось широкое недовольство трудящихся. В конце двухлетнего пребывания в сенате он поддержал многие законопроекты, улучшавшие условия труда. Теперь Ф. Рузвельт был за 54-часовую неделю для юношей. На заключительной стадии обсуждения перед голосованием не хватало кворума: сенатор – сторонник этого билля – спокойно спал дома. За ним послали, а чтобы предотвратить закрытие заседания, что означало бы провал законопроекта, Франклин взял слово.

Он прибег к типичной обструкции: начал читать подробную лекцию по орнитологии. Жизнь птиц ФДР изучил с детства и знал предмет превосходно. Раздраженное замечание одного из присутствующих, что это не имеет отношения к биллю, Франклин отвел, заявив: «Я пытаюсь доказать, что сама природа требует меньшего рабочего дня». Тем временем заспанный сенатор появился в зале заседания, и законопроект был принят.

В эти годы, преодолев упорное сопротивление Сары, желавшей видеть Гайд-парк таким же, как при жизни мужа, Франклин прикупил земли и начал ежегодно засаживать склоны от дома к реке деревьями – от тысячи до четырех тысяч ежегодно. В основном тополь и сосна. Друзья не связывали это с его теоретическими воззрениями, а рассматривали увлечение посадками как проявление заботы о земле, обычной в аристократических семьях.

III

В 1910 году Вудро Вильсона избрали губернатором штата Нью-Джерси усилиями полковника Дж Харви, близкого к дому Морганов. Мультимиллионеры возвели консервативного профессора истории на первую ступень лестницы в Белый дом. Считается, однако, что к 1912 году монополисты разочаровались в ершистом политике и двигали в президенты более покладистого деятеля. Ф. Рузвельт душой и сердцем был с В. Вильсоном, получившим славу самого прогрессивного губернатора в Соединенных Штатах. Осенью 1911 года он совершил паломничество к Вильсону и обещал сделать все, чтобы обеспечить ему поддержку в штате Нью-Йорк. Если учесть отношения Франклина со всемогущей Таммани, то обещание было самонадеянным.

В конце июня 1912 года демократы наводнили Балтимор, там собрался их конвент, чтобы «назначить будущего президента». Франклин сколотил небольшую, но очень шумную фракцию в делегации штата Нью-Йорк. Мэрфи, контролировавший большинство представителей штата, игнорировал ее. Несколько дней в громадном зале, арендованном для конвента, бушевали страсти. Первоначально в качестве кандидата лидировал Ч. Кларк из штата Миссури. Но сторонники Вильсона вели громадную работу, выбросив лозунг: «Выдвинуть Вильсона, и все тут!» Голосование сменялось голосованием без решающего результата. Агенты Кларка наняли около двух с половиной тысяч человек, которые заполнили галереи зала. Их усилия – вопли и свист в пользу Кларка в течение часа – были оплачены. Привратники, стоявшие у дверей, были подкуплены: в зал не допускались лица, не носившие значка сторонников Кларка.

Ф. Рузвельт проявил прекрасное знание тонкостей американской политической борьбы и распорядительность. В решающий день – проводилось уже 46-е голосование, оказавшееся последним, – он провел своих людей в зал. У каждого красовался на груди жетон с именем Кларка. Не успели еще произнести с трибуны имя В. Вильсона, как дико завывавшая толпа ринулась вперед, призывая голосовать за него. Впереди шествовал приплясывающий Франклин, размахивая громадным плакатом «Штат Нью-Йорк!» Мэрфи и его единомышленники остались на местах, они-то знали, что демонстранты не представляют партийной машины штата. В колонне неизвестных лиц, заполнивших проходы, были видны рассыльные в ливреях из отелей, поспешно завербованные самозванцами. Вильсон был выдвинут на пост президента от демократической партии.

Теперь предстояло подумать о собственных делах. Избрание В. Вильсона президентом было все же проблематичным – за право занять кресло в Белом доме боролись Тафт, добивавшийся переизбрания, Теодор Рузвельт и Юджин Дебс. Нужно было застраховать себя на случай неудачи В. Вильсона. Франклин начал кампанию за переизбрание в сенат штата Нью-Йорк. Она оказалась полной противоположностью прошлой, Франклин заболел брюшным тифом и мог воздействовать на избирателей лишь пламенными обращениями с ложа страданий.

Отсутствие кандидата на митингах, однако, с лихвой компенсировала кипучая деятельность его нового друга и горячего обожателя. В жизнь Ф.Рузвельта в 1911 году прочно вошел 40-летний Луи Хоу, сохранивший до самой смерти (1936 г.) горячую привязанность Франклина.

Л. Хоу в те годы был корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд» в Олбани. Низкорослый, на редкость уродливый, он был неудачником, хотя мечтал о большой политике. Он свято верил в миссию великого человека в истории. Обладающий незаурядным, едким умом, Л. Хоу давно понял, что он сам не достигнет успеха на политическом поприще, и на том утешился. Он стал вызывающе подчеркивать свое уродство: «Я один из четырех самых безобразных людей в штате Нью-Йорк, если можно назвать человеком то, что осталось от меня. Я высох и скрючен, как герои Диккенса. Мои глаза выпучены, ибо я много видел. Когда дети встречаются

меня на улице, они в страхе убегают». Нет ничего удивительного в том, что, когда Хоу, как злой тролль из сказки, с вечной сигаретой, торчавшей из саркастически сжатого рта, появился в доме Рузвельтов, Элеонора была шокирована. Она возненавидела его неопрятный костюм, маслянистый блеск глаз, отвратительные манеры и не могла понять, что может быть общего у мужа с ним.

Франклин, однако, быстро разглядел драгоценные качества Луи: гибкий ум, проницательность, дьявольскую работоспособность и полную неприспособленность к жизни. Рузвельт доверил ему ведение своей избирательной кампании. Хоу был в восторге: наконец нашелся великий человек, ради которого стоило жить и трудиться. В обожании Хоу, однако, проскальзывал сарказм.

Хоу с блеском провел избирательную кампанию Рузвельта, серьезно считая, что отныне ему предстоит лепить президента. Каждый фермер – избиратель Рузвельта получил от него личное письмо, они были отпечатаны на ротаторе, но так, что выглядели написанными на пишущей машинке. Сенатор спрашивал мнение фермера, какой именно закон следует провести в легислатуре в целях охраны интересов производителей. Рыбаки на реке Гудзон также получили личные послания кандидата. Хоу наводнил избирательный округ различными обещаниями, посылая соответствующие объявления Рузвельту с припиской: «Поскольку вы дали эти обещания, я думаю, что вам следует, хотя бы от случая к случаю, знать, в какие дела я вас втянул», а именно введение стандартной бочки в качестве меры для яблок и слив и т. д.

5 ноября 1912 г. на выборах победил В. Вильсон, а в штате Нью-Йорк прошел сенатор Ф. Рузвельт. Президент взял его заместителем морского министра. Его сторонники в штате Нью-Йорк недоумевали: не проведя обещанного закона о стандартной бочке для яблок, прогрессивный сенатор променял Олбани на Вашингтон. «Это – козни врагов ваших прогрессивных идей. Прошу вас, оставайтесь в старом штате Нью-Йорк. Вы нам нужны», – заклинал избиратель-фермер.

Вновь назначенный министр морского флота Дж Дэниелс решил навести справки о своем заместителе у сенаторов от штата Нью-Йорк. Сенатор Э.Рут поджал губы: «Вы что, не знаете Рузвельтов? Где бы один из них ни правил, он желает быть первым».

Морское министерство

I

В 20-х годах подавляющее большинство американских историков, писавших книги об администрации Вильсона, вообще не упоминали о заместителе морского министра. Курсы истории США совершенно не пострадали от этого пропуска. В наши дни картина, естественно, иная: профессиональные историки склонны заново переоценить события, и Ф. Рузвельт своими позднейшими заслугами отвоевал весьма заметное место среди деятелей администрации В. Вильсона, оттеснив даже тех, кто в 1913–1920 годах занимал более высокие посты.

Итак, в марте 1913 года Франклин, которому едва минуло тридцать лет, занял пост заместителя морского министра. Он уселся за тот же стол, за которым пятнадцать лет назад другой Рузвельт – воинственный Теодор планировал начальные кампании испано-американской войны. Параллель между жизненным путем дяди и племянника напрашивалась сама собой, и Франклин был не из тех, кто упустил бы возможность подчеркнуть это. Через пару дней после вступления в должность, воспользовавшись отсутствием в Вашингтоне министра, он созвал в кабинет журналистов. Сияющий государственный деятель бросил: «Теперь делом занялся один из Рузвельтов. Вы помните, что случилось в прошлый раз, когда один из них был на этом посту?» Рузвельты сняли в Вашингтоне «маленький Белый дом», то самое здание, в котором жил Теодор, дожидаясь, пока семья убитого президента Маккинли освободит Белый дом.

На первый взгляд, Рузвельты были очень богаты – годовой доход Франклина и Элеоноры достигал 27 тыс. долл. Из них 5 тыс. долл. – жалованье заместителя морского министра и 7,5 тыс. долл. – доход от выгодно размещенного приданого Элеоноры. Для большого дома – они жили на широкую ногу – 27 тыс. едва хватало. Приходилось поддерживать реноме семьи в светском обществе Вашингтона и держать иногда до десяти слуг. Франклин знал, где и что тратить, к этому времени Сара научила сына бережливости, и он экономил на себе. Он предпочитал обедать дома, так выходило дешевле, по несколько лет носил один и тот же костюм, ездил на трамваях – расходы на такси представлялись ему излишними. Семья приобретала только подержанные автомобили. И это была не показная скромность – Рузвельты действительно едва сводили концы с концами.

Многие в Вашингтоне, звавшие Франклина, предрекали, что его карьера в морском министерстве долго не продлится. Дж Дэниелс был человеком совершенно иного склада: ровно на двадцать лет старше Франклина, он был его полной противоположностью. За плечами Дэниелса было трудное восхождение по политической лестнице. Он начал с редактора газеты в маленьком провинциальном городке. Внешне бесхитростный, старомодно одетый, Дэниелс имел славу пацифиста, сторонника «сухого закона» и горячего поклонника аграрного радикала Дж Брайана, ставшего в правительстве Вильсона государственным секретарем. Адмиралы с первого взгляда невзлюбили унылого пуританина-министра.

Франклин нашел его «самым забавным деревенским парнем» и на первых порах обращался к Дэниелсу с изумительно бестактными записками. Дэниелс прекрасно видел все, что проделывал заместитель. Но Франклин был его любовью с первого взгляда, и старый политик, отлично знавший людей, смотрел в будущее: Дэниелс умел ладить с конгрессом, ФДР понимал флот. Что до честолюбивых надежд заместителя, то министр всегда сумеет направить их в нужную сторону. И хотя Франклин бывал иной раз чрезмерно инициативен, они отлично сработались с Дэниелсом. На протяжении семи с половиной лет совместной работы в морском министерстве между ними не было серьезных конфликтов.

Дэниелс мягко подшучивал над честолюбием заместителя, а Франклин с годами привязался к старику. Как-то раз они сфотографировались вместе на балконе здания морского министерства, выходящего фасадом к Белому дому. Когда принесли карточки, Дэниелс спросил:

– Франклин, почему вы улыбаетесь от уха до уха, выглядите столь удовлетворенным, как будто весь мир принадлежит вам, в то время как я стою спокойный и счастливый, но на моем лице нет такой улыбки?

Франклин ответил, что он не видит особой причины, ему хотелось пристойно выглядеть перед объективом.

– Тогда я скажу, – лукаво закончил Дэниелс. – Мы оба смотрим на Белый дом, и вы, происходя из Нью-Йорка, говорите себе: «Когда-нибудь и я буду жить в этом доме», а мне, южанину, приходится довольствоваться тем, что есть¹.

Расхохотались и разошлись. С годами их отношения стали напоминать те, которые существуют между отцом и сыном. До смерти Ф. Рузвельта (Дж Дэниелс пережил его на три года) они оставались друзьями, часто встречались и вели оживленную переписку.

Оказавшись в морском министерстве, ФДР был безмерно счастлив. С детства он любил море и флот, вся его предшествующая жизнь оказалась подготовкой к теперешней работе. В свое время он с головой окунулся в политические дела в сенате штата Нью-Йорк, однако штат не располагал флотом. Теперь под его началом практически оказались военно-морские силы США, а тогда флот и морская пехота доминировали над небольшой армией. Ф. Рузвельт выступал за еще больший флот. Он был воспитан на теории морской мощи Мэхэна и в практической деятельности призывал пойти дальше, чем рекомендовал сам теоретик.

В январе 1914 года Ф. Рузвельт поучал соотечественников: «Наша национальная оборона должна охватывать все Западное полушарие, ее зона должна выходить на тысячу миль в открытое море, включать Филиппины и все моря, где только бывают американские торговые суда. Для удержания Панамского канала, Аляски, американского Самоа, Гуама, Пуэрто-Рико, морской базы Гуантанамо и Филиппинских островов мы должны располагать линкорами. Флот нам нужен не только для защиты собственных берегов и владений, но для охраны наших торговых судов в случае войны, где бы они ни находились»². Между тем в США ужасались размерами флота и морской пехоты. Они насчитывали 65 тыс. личного состава и обходились налогоплательщикам в 144 млн. долл. в год. Даже Дэниелс, не говоря уже о Брайане, считал, что флот чудовищно раздут.

Наиболее влиятельная организация, ратовавшая за большой флот, – Морская лига США – горячо приветствовала молодого заместителя морского министра. Лига, собственно, представляла интересы магнатов стали и судостроительной промышленности, королей финансов, ибо флот был тогда крупнейшей кормушкой государственных заказов. С ними у Рузвельта наладились сердечные отношения. Его пригласили председательствовать на ежегодном собрании лиги, а ее планы обсуждались в кабинете заместителя морского министра.

В 1914 году Соединенные Штаты напали на Мексику, американские войска высадились в Веракрусе. Ф. Рузвельт счел возможным публично заявить: «Я не хочу войны, но я не знаю, как избежать ее. Рано или поздно Соединенным Штатам придется вмешаться и разобраться в политической неразберихе в Мексике. Я считаю, что нужно сделать это немедленно». Такие заявления могли бы звучать в устах главнокомандующего, каковым по конституции является президент. Тем не менее ни В. Вильсон, ни Дж Дэниелс не сочли необходимым одернуть заместителя морского министра, предлагавшего пойти столь далеко. Почему?

Р. Тагвелл объясняет: «Трудно сказать – то ли этого буйного Рузвельта, использовавшего любую возможность для письменных и устных выступлений в целях всестороннего развития полной империалистической доктрины, для осуществления которой был необходим «флот, не имеющий равных», просто выслушивала небольшая аудитория, разделявшая его взгляды (а в этом случае он едва ли создавал серьезные затруднения для вышестоящих), или ему созна-

тельно давалась воля, ибо Вильсон не возражал, чтобы и эта точка зрения выражалась свободно наряду с более пацифистскими взглядами Дэниелса. Президенты часто прибегают к таким приемам. Сам заместитель морского министра, когда он стал президентом, вне всякого сомнения, не имел соперников в искусстве запускать чужими руками пробные шары»³. Если так, а Р. Тагвеллу нельзя отказать ни в любви к Ф. Рузвельту, ни в знании его, тогда оппозиция заместителя морского министра к ведению дел администрацией Вильсона предстает в ином свете. Скорее, он был не только дисциплинированным, но и понятливым служакой.

Ф. Рузвельт столкнулся с проблемой, которой не знал раньше, – организованным рабочим движением. Он вел дела военной судостроительной и судоремонтной промышленности, насчитывавшей перед первой мировой войной 50 тыс. рабочих, многие из которых входили в цеховые профсоюзы АФТ. Рузвельт очень быстро научился ладить с лидерами профсоюзов и добился того, что за время его пребывания в министерстве на верфях не случилось ни одной серьезной забастовки.

Споры с поставщиками не могли не укрепить репутацию Ф. Рузвельта как прогрессивного деятеля, причем она возрастала прямо пропорционально его усилиям в пользу большого флота. Он хотел больше кораблей, но рамки расходов определялись ассигнованиями конгресса. Необходимость получить наибольшую отдачу с каждого доллара приводила к тому, что заместитель морского министра яростно сопротивлялся монополистической практике взвинчивания цен. Политически это было нетрудно объяснить иными мотивами – якобы врожденной неприязнью ФДР к трестам. Добытую славу не приходилось делить ни с кем: в отличие от других министерств, в морском был только один заместитель министра.

В Вашингтоне вплоть до Второй мировой войны вспоминали, что, используя свой пост, Рузвельт заставил флот покупать очень плохой уголь из шахт, в которых имели денежные интересы его родственники. Он объяснял расширение круга поставщиков, которое действительно имело место, необходимостью сбить абсурдные монопольные цены на уголь. Биографы Рузвельта с негодованием отрицают эти инсинуации, ссылаясь на то, что, как только Рузвельту доложили о плохом качестве угля, он немедленно приостановил действие соответствующих контрактов.

Рузвельт назначил Хоу помощником и все семь с половиной лет получал от него квалифицированную помощь и здравые советы, в первую очередь в вопросах труда. Он оказался просто неоценимым в политическом лабиринте Вашингтона. Хоу учил способного администратора искусству возможного, а главное – умению выжидать и не связывать себя участием в непопулярных мероприятиях.

Пуританин Дж. Дэниелс усердно служил богу своему и посему, а также в интересах укрепления воинской дисциплины запретил употреблять спиртные напитки даже в офицерских кают-компаниях на кораблях. Моряки расценивали это как неслыханное покушение на святые традиции флота, иные даже утверждали, что выбита сама основа морского боевого духа. Когда был отдан приказ, Рузвельт оказался в уместной командировке. Язвительный Хоу сообщал ему из Вашингтона: «Я знаю, как вы сожалеете о том, что не находитесь на месте и не можете разделить славу (приказа). Конечно, я сообщу корреспондентам только следующее: вы не в Вашингтоне и, естественно, ничего не знаете».

Адмиралы предпочитали иметь дело с заместителем, а не с самим министром. Рузвельт тешил себя иллюзией, что он с большей легкостью нашел с ними общий язык, чем Дэниелс, лукавые царедворцы поддерживали его в счастливом заблуждении – обычно они задерживали представление различного рода раздутых требований, пока Дэниелс был в Вашингтоне. Стоило ему уехать, как толпа просителей осаждала исполняющего обязанности министра – Ф. Рузвельта. Он же серьезно считал себя флотоводцем. Когда выяснилось, что заместитель морского министра не имел флага (президент и министр имели), Ф. Рузвельт немедленно приказал по собственному рисунку изготовить таковой. Отныне, стоило ему ступить на палубу военного

корабля, гремел салют из 17 орудийных залпов, а на мачте взвивался личный флаг. И все же заместитель морского министра не был всемогущ, ему так и не удалось заставить моряков принимать приказы от Хоу.

«Знаете, что случится, если Хоу появится на корабле? – заявил Рузвельту какой-то капитан, которому он сообщил о намерении послать Хоу с инспекционной поездкой. – Как только он ступит на борт, его схватят, разденут и отмоют с песком и мылом». Хоу был равнодушен к оценке моряков: военные не имели голоса на выборах, между тем организованное рабочее движение – сила в политике. С его лидерами Хоу считался.

Рузвельт вызывал профессиональное уважение. Он неоднократно брал командование военными кораблями и показал умение проводить быстроходные эсминцы в тяжелых водах. Молодой ФДР хорошо узнал на флоте молодых офицеров – Уильяма Д. Леги, Уильяма Ф. Хэлси, Гарольда Р. Старка и Хасбенда Э. Киммеля; все они (за исключением Киммеля, опозорившего свои седины в Перл-Харборе) вели в бой американский флот в годы Второй мировой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.